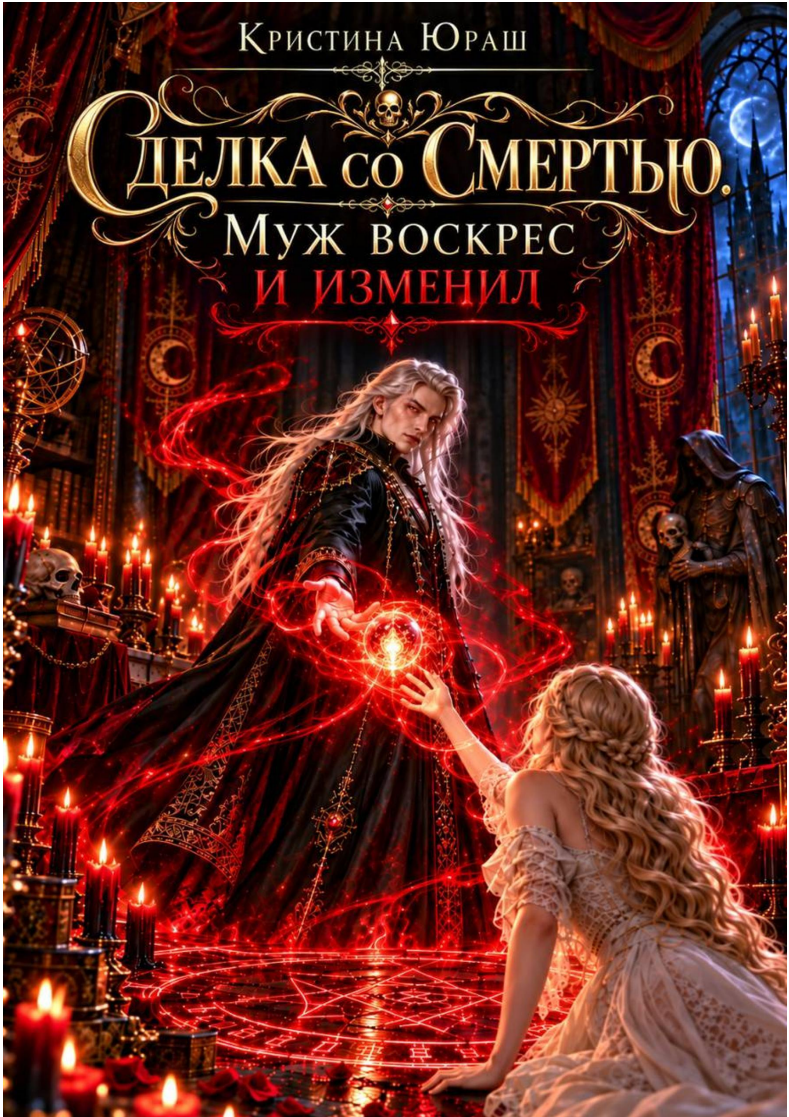

Кристина Юраш
Сделка со Смертью.
Муж воскрес
и изменил

Кристина Юраш

Сделка со смертью. Муж воскрес и изменил

https://litres.ru/74732209
SelfPub; 2026

Аннотация

Любовница не сразу узнала моего покойного мужа в теле лакея. Ещё бы! Совсем недавно могущественного герцога-дракона похоронили, а я отдала Смерти половину оставшейся жизни, чтобы воскресить его.

Жаль, что о любовнице я узнала только после воскрешения. И всё благодаря Смерти!

Теперь мой муж служит лакеем, разгуливает в чужом теле по собственному дому, категорически отказывается разводиться и умоляет простить его.

А я впервые жалею, что Смерть оказался таким сговорчивым.

И сейчас пытаюсь понять: можно ли вернуть Смерти неудачную покупку? Ведь я даже не знаю, сколько жизни у меня осталось!

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Неподходящая плата 10
Глава 2. Последняя ночь 12
Глава 3. Соболезнования 15
Глава 4. Не закрывайте гроб 18
Глава 5. Привередливый читатель 21
Глава 6. Чужое имя 24
Глава 7. Половина оставшегося 28
Глава 8. Три с половиной дня 31
Глава 9. Пока он не ушёл 33
Глава 10. Любым, даже чужим 36
Глава 11. Печать Смерти 39
Глава 12. Душа на ладони 43
Глава 13. Вы уронили, мадам! 46
Глава 14. Чужое отражение 50
Глава 15. Сделка со Смертью 53
Глава 16. Он снова дышит 56
Глава 17. К матушке 59
Глава 18. Первый поцелуй после смерти 62
Глава 19. Дорога к матушке 65
Глава 20. Карета герцогини 68
Глава 21. Другой поворот 71
Глава 22. Цена чужой души 74

Глава 23. Цена милосердия 77
Глава 24. Книга без названия 80
Глава 25. Сколько осталось? 82
Глава 26. Автор собственной жизни 85
Глава 27. Неизвестный финал 88
Глава 28. Читайте газеты, мадам 91
Глава 29. Не к матушке 94
Глава 30. Узнай меня 97
Глава 31. Чужие губы 101
Глава 32. Любовница лакея 104
Глава 33. Когда он вернётся 107
Глава 34. Мне это приснилось? 110
Глава 35. Матушка почти поверила 113
Глава 36. Ложь без запинки 116
Глава 37. Это всего лишь сон 119
Глава 38. Сейчас проверим 122
Глава 39. Кому подчиняется кучер 125
Глава 40. Половина моей жизни 128
Глава 41. Вместо золота 131
Глава 42. Цена, которую он не спросил 134
Глава 43. Она просто увлечение 137
Глава 44. Ты моя семья 140
Глава 45. Десять лет 143
Глава 46. Чешуя 146
Глава 47. Я тебя не отпущу 149
Глава 48. До утра ничего не изменится 152

Глава 49. Не просьба о прощении 155
Глава 50. За высшую некромантию 158
Глава 51. Это ради нашей любви 161
Глава 52. А если я не соглашусь? 164
Глава 53. Не в безопасности 167
Глава 54. Обещанная метка 169
Глава 55. Имя другой 172
Глава 56. Половина жизни 175
Глава 57. Теперь я хочу жить 178
Конец ознакомительного фрагмента. 179

Кристина Юраш
Сделка со смертью. Муж воскрес и изменил

Пролог

— Так вы можете воскресить моего мужа? — прошептала я, стараясь разглядеть неподвижного незнакомца по ту сторону круга.

Горло саднило после бесконечных заклинаний, и слова приходилось выталкивать через боль.

— Вы же Смерть… Не отнимайте его у меня. Прошу вас. Я на всё готова, только верните его. Я… я без него жить не могу. Даже дышать не могу. Каждый раз, когда делаю вдох, думаю, что Игнис уже никогда не сможет сделать то же самое.

Я с трудом удерживалась на коленях.

Камень ритуальной комнаты холодил ноги сквозь платье, пальцы липли друг к другу от засохшей крови. Возле меня валялся тонкий кинжал с кровью на лезвии.

Я чертила этот круг собственной кровью. Всё, как было сказано в ритуале.

Я уже пять раз пыталась произнести призыв правильно.

После четвёртого раза голос почти пропал, но я заставила себя начать сначала, боясь, что стоит замолчать — и наступит утро, а Игнис так и останется под тяжёлой крышкой гроба в фамильном склепе.

И вот моя последняя попытка увенчалась успехом.

Теперь передо мной наконец стоял кто-то высокий, одетый во всё тёмное. Я не могла различить его лица и боялась отвести взгляд: вдруг исчезнет, пока я моргаю?

— Верните мне его, — попросила я, подаваясь вперёд на саднящих коленях. — Пожалуйста. Только дайте нам пожить вместе. Я не успела даже попрощаться с ним.

Ответа не последовало. В ритуальной комнате пахло остывшим воском и каменной сыростью. Одна свеча возле раскрытой книги горела неровно, и от её движения по полу поползла тень незнакомца. Я машинально проследила за ней глазами и только тогда поняла, что смотрю совсем не туда, куда должна.

Магический круг окружал меня. Середина, предназначенная для призванного, пустовала. Незнакомец находился снаружи, по ту сторону кровавой черты. Я протёрла глаза, надеясь, что неправильно вижу из-за слёз, но край его сапога по-прежнему оставался за кругом. От внезапной мысли, что вместо Смерти на мой зов явилось что-то другое, опасное, жуткое, во рту появился неприятный привкус.

А вдруг это не Смерть?

— Вы… почему не в круге? — спросила я и, стараясь не

нарушить линию, потянулась к лежащей возле свечи книге. — Ведь вы должны стоять в середине. Там прямо так и написано. Я же всё сделала… Посмотрите, здесь указано место для призванного!

Незнакомец чуть наклонил голову, будто моё возмущение его удивило.

— Простите, мадам, вы сейчас беспокоитесь о расположении гостей? — Его голос оказался низким, спокойным, с отчётливой насмешкой на последнем слове. — А я полагал, речь идёт о жизни вашего супруга.

Я взглянула на пустую середину круга, затем на его спокойную фигуру. Незнакомец говорил так уверенно, словно не видел ничего необычного в собственном положении, и от этого мысль об ошибке становилась ещё страшнее.

— Но круг! — Я приподняла книгу, хотя сомневалась, что он сможет увидеть в полумраке крошечные знаки. — Если вы не внутри, значит, я что-то напутала? Он должен вас удерживать!

Книга тянула руки книзу; я едва удерживала её на весу. Он даже не попытался приблизиться к написанным строкам, словно давно знал наизусть всё, что там могло быть.

— Ах, круг. Какая банальность, — протянул незнакомец так, словно я предложила ему давно надоевшее развлечение. — Круги, пентаграммы, жертвы, слова на мёртвых языках… Люди удивительно изобретательны в стремлении усложнить себе жизнь. К тому же вы допустили ошибку в формуле. В

третьей строке у вас неверное окончание, а в пятой вы ухитрились перепутать призыв с изгнанием. Получилось довольно невежливое приглашение: явиться немедленно и тут же убраться прочь.

— Получается, призыв не сработал? — ужаснулась я.

— В какой-то мере сработал. Ведь я же здесь, — прибавил он с лёгкой усмешкой. — Однако ничто не заставит меня остаться, когда разговор мне наскучит.

Глава 1. Неподходящая плата

Я опустила глаза к пергаменту. На пожелтевшем листе расплывались капли моих слёз, а некоторые буквы были измазаны кровью.

Я пыталась разобрать третью строку, но знаки двоились. Ведь я столько раз начинала заново, водила ногтем по каждому символу, повторяла слова по слогам, пока язык не начал заплетаться. Неужели всё было зря?

— Если… если ритуал сработал? — спросила я, чувствуя, как в голове всё перемешалось. От усилия удержать книгу на весу дрожали запястья. — Тогда вы… вы кто?

Я прижала книгу к коленям, чтобы не уронить. В ответ на мой вопрос он отступил в полосу тени, и мне показалось, что теперь его самого трудно отличить от неровного силуэта на стене.

— Я? Я — Смерть, — отозвался незнакомец с усмешкой.

— Но я… я была уверена, что Смерть — женщина, — растерянно прошептала я, ожидая увидеть скорбную даму в чёрном или хотя бы старуху с косой.

— Уверяю вас, мадам. Я мужчина. Или вы хотите лично в этом убедиться? — насмешливо предложил он.

Я понимала, что разницы нет. Главное вернуть мужа.

— Итак, я здесь, — произнёс незнакомец, переместившись так бесшумно, что я заметила движение только по из-

менившейся тени. — Просто не смог удержаться, поэтому и пришёл. Пятая попытка за одну ночь, столько слёз, столько отчаяния в голосе… А уж какая потеря крови! Вы перерисовывали круг дважды, поэтому я был уверен, что мы встретимся здесь уже по несколько иному поводу. После подобного упорства я решил, что вам есть что мне предложить.

Он говорил о моих пяти попытках так уверенно, словно стоял рядом с самого начала. Меня передёрнуло при мысли, что все эти часы, когда я одна ползала по камням, перерисовывала линии и умоляла кого-то услышать, он мог наблюдать и просто не показываться. Я хотела спросить об этом, но он слегка подался вперёд и спросил, что же я намерена предложить ему взамен.

— Я хотела предложить свою душу! — выдохнула я, боясь, что он отвергнет и это.

— Мадам, вы меня с кем-то путаете. Вы пытаетесь предложить мне то, что рано или поздно будет принадлежать мне. Согласитесь, соблазнять ценой вы не умеете. Ещё предложения? — спросил он, остановившись на краю круга.

Я впервые услышала в его голосе интерес, который был страшнее простого отказа.

— Если вам больше нечего предложить, — заметил Смерть, — нам придётся закончить беседу.

Глава 2. Последняя ночь

Я уставилась на его силуэт, пытаясь вспомнить, что ещё я могу предложить.

— Деньги? Золото? — осторожно спросила я.

— Обижаете, мадам. Цари и императоры древности готовы были предложить мне всё, что у них есть. А это будет побольше, чем у вас. Но всё равно я вынужден отказаться, — заметил Смерть. — Вот такой я неподкупный.

Что ещё? Что я могу дать ему? Я облизала пересохшие губы. Мозг отказывался работать.

Всё происходившее со мной после смерти Игниса путалось в голове; целые часы выпадали из памяти, зато некоторые мгновения всплывали с такой ясностью, что я невольно оглядывалась, ожидая вновь услышать голос мужа. Ещё вчера я похоронила Игниса Рейсберга — молодого, красивого, сильного дракона, которому исполнилось всего тридцать два года.

Драконы могли прожить столетия. Я давно примирилась с мыслью, что состарюсь раньше мужа, что однажды он останется таким же высоким и красивым, каким был в день нашей свадьбы, а мне придётся мириться с седыми волосами и морщинами, если, конечно, на моём теле не появится метка истинной пары.

Но мысль, что именно его понесут в гробу, а я буду идти

следом, поддерживаемая слугами, никогда не приходила мне в голову.

Накануне смерти он вернулся из поездки, и мы ужинали вместе. Игнис рассказывал о делах герцогства, сердился на управляющего; я слушала, наблюдая, как он утомлённо потирает переносицу. Перед тем как лечь, он поцеловал меня в лоб и сказал, что устал.

Мне хотелось задержать его хотя бы на несколько минут, но я видела, что ему нужен отдых. Утром мы могли поговорить сколько угодно. Теперь я возвращалась к тому вечеру снова и снова, пытаясь вспомнить, успела ли пожелать ему спокойной ночи.

Я проснулась среди ночи, потому что замёрзла. Край одеяла сполз с плеча, а Игнис лежал ко мне спиной, лицом к окну. Обычно от него шло столько тепла, что мне хватало прижаться к нему, чтобы забыть о холоде. Я нащупала под одеялом его плечо и сонно попросила:

— Игнис, любимый, подвинься ко мне. Мне холодно, — пробормотала я и попыталась подтянуться поближе, ожидая привычного движения: он непременно обнимал меня, даже не просыпаясь до конца.

Но его плечо было холодным. Я провела по нему ладонью ещё раз, потом коснулась шеи и резко села на постели. В темноте лицо мужа выглядело спокойным, волосы упали на щёку, губы чуть разомкнулись. Я потрясла его за плечо, сперва осторожно, затем сильнее.

— Игнис? — Я наклонилась к самому его уху, стараясь разбудить, а не напугать. — Просыпайся. Ты меня слышишь? Игнис, ну хватит, мне уже не смешно!

Он не повернул головы. Я приложила ухо к его груди, пытаясь услышать сердцебиение, которое столько раз различала по ночам.

Когда ничего не услышала, решила, что мешает собственное частое дыхание. Зажала рот ладонью, задержала воздух и прислушалась снова. Его грудь оставалась неподвижной. Я начала надавливать пальцами туда, где под ребрами должно было стучать сердце, потом схватила мужа за плечи и повернула к себе. Голова безвольно склонилась набок, и у меня сорвался крик.

Глава 3. Соболезнования

— Игнис! Проснись! — Я трясла его, пока руки не начали слабеть. — Пожалуйста, посмотри на меня. Ну скажи хоть что-нибудь! Не смей так со мной поступать!

Я целовала его в губы, растирала холодные пальцы, пыталась устроить голову на подушке так, как он любил. Мне казалось, если уложить его удобно и согреть, он сейчас раздражённо откроет глаза и спросит, зачем я подняла такой шум. Но он позволял делать с собой всё, что угодно, и это пугало сильнее холода.

Когда на мой крик в спальню прибежала горничная, я не сразу заметила её. Девушка остановилась у кровати. По тому, как она схватилась за дверной косяк, я поняла, что она тоже видит неподвижное лицо Игниса. Мне захотелось ударить её за этот растерянный взгляд.

— Что вы стоите?! — закричала я, почти не узнавая собственного голоса. — Зовите доктора! Сейчас же! Пусть отправят за всеми лекарями, какие есть в городе! Скажите, что герцогу плохо, пусть поторопятся!

Горничная бросилась исполнять приказ, а я снова осталась одна с мужем. Сколько раз за следующий час я проверяла его дыхание, не помнила. Прижимала его ладонь к щеке, пыталась согреть своим дыханием и повторяла просьбы, которые раньше никогда бы не произнесла вслух. Я обеща-

ла что угодно, лишь бы он открыл глаза, и тут же пугалась собственного голоса: никакие обещания не могли заставить его пошевелиться.

— Ну пожалуйста, Игнис… — шептала я возле его холодного виска, гладя волосы, которые ещё вчера растрепала собственными пальцами. — Это же я, Аделла. Ты всегда просыпался, когда я тебя звала. Давай и сейчас. Я больше ничего не попрошу.

Он не отвечал. Я вспоминала, как он улыбался, когда я обнимала его после ссоры, как быстро переставал сердиться, если я целовала его в щёку. Теперь я гладила то же лицо, касалась губами того же места, а улыбка не появлялась. Разум твердил, что Игнису нужна помощь врача. Другая, упрямая часть меня не соглашалась отпустить его даже на мгновение, чтобы поправить сползшее одеяло.

Когда спустя почти час приехал пожилой доктор, я едва дала ему снять верхнюю одежду. Ухватила за рукав, потащила к кровати и заспешила объяснять:

— Он не просыпается! — сбивчиво объясняла я и показывала на Игниса, не позволяя лекарю отвлечься ни на что другое. — И холодный… Совсем холодный. Я не знаю, что случилось. Вы только посмотрите, пожалуйста. Он же дракон, у него должно быть сильное сердце. Сделайте хоть что-нибудь!

Доктор молча осмотрел мужа, взял его за запястье, проверил шею, затем приложил к груди диагностический кри-

сталл.

Я не отводила взгляда от прозрачных граней, ожидая привычного магического свечения, но кристалл оставался тусклым. Лекарь сжал губы и потребовал другой. На секунду мне стало легче: значит, первый оказался неисправным.

Я сама подалась навстречу, когда ему принесли второй, но и он не засветился.

— Ну же, — выдохнула я, обращаясь то ли к кристаллу, то ли к доктору. — Проверьте ещё раз. Наверняка что-то не так с вашими приборами.

Лекарь опустил руку. Он долго не смотрел на меня, и я уже тогда почувствовала, что он собирается произнести нечто непоправимое. Я начала качать головой ещё до того, как он заговорил.

— Ваша светлость, примите мои глубочайшие соболезнования, — произнёс доктор, остановившись возле кровати. Голос у него был почтительный, а лицо усталое, будто он много раз говорил такие слова и знал, что другого ответа у него нет.

Глава 4. Не закрывайте гроб

«Соболезнования» — вот что он принёс мне вместо лекарства. От этого слова стало так тошно, что я согнулась, упираясь ладонью в матрас, а доктор, приняв моё движение за слабость, попытался поддержать меня под локоть.

— Что вы сказали? — спросила я, отталкивая его руку. — Вы же ещё ничего не сделали. Почему соболезнования?

Тогда доктор впервые поднял на меня глаза без обычной профессиональной сосредоточенности. Я видела, что он уже принял какое-то решение, и пыталась не дать ему произнести его вслух.

— Его светлость скончался, — ответил лекарь. Он вновь посмотрел на Игниса, словно хотел избавить меня от необходимости выдерживать его взгляд. — К сожалению, теперь я уже ничем не могу ему помочь.

Я оттолкнула доктора и бросилась к постели. Разве можно было говорить о смерти человека, которого ещё вчера видели живым? Я схватила мужа за руку и подняла её, требуя, чтобы врач посмотрел внимательнее.

— Вы ошиблись! Он дракон! Вы понимаете, что говорите? Драконы не умирают просто так! Ищите причину, лечите, делайте что-нибудь! — кричала я так, что дрожали стекла в окнах. Я услышала, как сорвался голос, но не смогла остановиться. — Не стойте здесь с таким лицом!

Доктор шагнул ближе и прошептал, что ему очень жаль. Я вскинулась, вцепилась пальцами в смятый край простыни и закричала: «Не смейте мне соболезновать!»

Каждое его сочувственное слово означало одно: он уже не собирался спасать Игниса. Я кричала, пока не стало больно глотать и пока собственные слова не превратились в хрип. За спиной кто-то из слуг всхлипывал, но я не обернулась. Когда силы закончились, легла рядом с мужем и обняла его за плечи, как обнимала тысячи раз прежде.

— Я тебя никуда не отпущу, — прошептала я ему в волосы.

Я понимала, что слуги слышат, и всё равно повторила:

— Слышишь, Игнис? Никуда.

Но его забрали.

Потом наступили похороны, на которых мне пришлось стоять среди людей, называвших мужа покойным, будто они имели на это право. Они говорили о его достоинствах, силе, древнем роде. Кто-то сожалел, что такой молодой дракон умер внезапно. Я не запомнила ни одного лица и едва понимала, когда ко мне обращались. Всё моё внимание занимал открытый гроб.

Игнис лежал в парадном герцогском мундире, с родовым перстнем на пальце. Длинные тёмные волосы аккуратно разложили на подушке, руки сложили на груди, воротник застегнули слишком высоко. Он не любил, когда ткань давила на шею, и я машинально расстегнула верхнюю застёжку, по-

том пригладила прядь на виске. Кончики пальцев коснулись холодной щеки. Я знала, что вокруг стоят люди, но не могла заставить себя убрать руку.

— Любимый, ну проснись, — попросила я, наклоняясь ближе, чтобы никто не услышал. — Я ведь здесь. Нам пора домой.

Чья-то ладонь легла мне на плечо. Мне объясняли, что прощание закончилось, что нужно отойти, но я упёрлась руками в край гроба и покачала головой. Когда двое начали осторожно отводить меня, я обхватила Игниса за плечи, стараясь закрыть его от чужих рук.

— Не трогайте его! — сорвалось у меня, пока пальцы цеплялись за плотную ткань мундира. — Он не умер, слышите? Он просто не просыпается! Не закрывайте его, пожалуйста, я вас прошу!

Меня оттаскивали, разжимали пальцы. Я даже не знала, кто держал меня и кто просил успокоиться.

Когда между нами опустилась крышка, я дёрнулась так сильно, что больно ударилась коленом о край гроба. Мне хотелось ещё раз увидеть его лицо, поправить этот проклятый воротник, убедиться, что он лежит удобно. Но тяжёлую крышку уже положили на место.

Глава 5. Привередливый читатель

Теперь я стояла над книгой с ритуалом в отдельной комнате, а Игнис оставался в фамильном склепе. Напротив меня был тот, кто его забрал. Слёзы падали на засохшую кровь, и я раздражённо стирала их рукавом, боясь испортить ещё одну букву. Смерть не вмешивался, пока я пыталась унять дрожь, а затем негромко окликнул меня:

— Мадам, мы перейдём к вашему предложению или вы намерены повторить вчерашний день? — спросил он.

По его тону я поняла, что он нисколько не раздражён. Скорее ждёт, смогу ли я наконец сформулировать просьбу, ради которой звала его пять раз.

Я подняла голову. Незнакомец сделал шаг из тени, и на свету проявились его лицо и одежда. От неожиданности я крепче ухватилась за край книги, потому что представляла Смерть совершенно иначе.

Передо мной оказался высокий, широкоплечий мужчина, которому удивительно шёл строгий чёрный камзол с тонкой серебряной вышивкой. Под ним белела безупречная рубашка. Серебристые волосы свободно спадали за плечи, а длинные пальцы неторопливо стягивали перчатку, как будто разговор можно было вести без всякой спешки.

Он был красив той красотой, которую неприятно замечать, стоя на коленях сразу после похорон любимого мужа.

Прямой нос, выразительные скулы, чётко очерченные губы. Ничто в его лице не напоминало привычные изображения смерти. Но чем внимательнее я всматривалась, тем труднее было выдерживать его взгляд. Радужки казались большими и тёмными, и я не могла различить, куда именно он смотрит. В какой-то момент мне почудилось, что незнакомец изучает не моё лицо, а всё, что я успела сделать и сказать за прожитые годы.

— Итак, — произнёс он, аккуратно расправляя снятую перчатку, — вы хотите душу своего мужа. Я верно понял ваше предложение?

Мне хотелось выбежать из ритуальной комнаты, добраться до склепа и показать, кого именно я прошу вернуть, хотя он наверняка знал. Вместо этого я судорожно поправила на пальце кольцо: единственное, что ещё соединяло меня с Игнисом наяву.

— Я хочу его живым! — возразила я, сдавив пальцами край книги. — Не призрак, не воспоминание, не душу, с которой можно поговорить. Хочу обнять его и услышать, как он дышит. Вы же понимаете, о чём я прошу!

Незнакомец выслушал перечисление, не меняясь в лице, и я на секунду пожалела, что так горячо заговорила. От его спокойствия мои просьбы казались ему детскими, а я не имела права позволить ему так подумать.

— Более или менее, — ответил он.

Он остановился возле кровавой линии, осмотрел симво-

лы, явно не испытывая к ним почтения, и продолжил:

— Если бы вы видели мою библиотеку, мадам, то знали бы, сколько человеческих историй заканчиваются просьбой вернуть умершего. Почти все уверены, что именно их случай заслуживает исключения.

Я почувствовала, как к лицу прилила кровь. Для него смерть Игниса была одним из многочисленных случаев, а для меня — единственным, который имел значение. Я с трудом удержалась от желания швырнуть в него раскрытую книгу.

— Вам смешно? — спросила я, заставляя себя произнести слова достаточно разборчиво. — Я похоронила мужа, а вы говорите о библиотеке!

Я перевела взгляд на открытую книгу с мокрыми страницами. Как мало интересовала меня сейчас любая другая история, даже если она хранилась в его библиотеке, и как бессмысленно было объяснять это человеку, который не знал моего мужа.

— Отнюдь, — ответил Смерть. Он пригляделся ко мне с уже знакомым любопытством. — Большинство таких просьб предсказуемы. Но вы упорно пытаетесь получить ответ, хотя каждая попытка лишает вас сил. Это несколько интереснее обычного плача. К тому же вы выбрали весьма неудачный обряд и всё-таки добились аудиенции. Итак, вернемся к цене, которую вы готовы заплатить за такой щедрый подарок с моей стороны.

Глава 6. Чужое имя

Я подтянула испачканный подол. Часы мучительных попыток призыва казались ему занимательным происшествием.

— Разве это подарок, если за него нужно платить? — спросила я, не в силах сдержать раздражения. — Я его люблю… люблю своего мужа. Я хочу его вернуть. Разве Смерть не может быть просто милосердной?

Смерть задержал взгляд на моём обручальном кольце. Я закрыла его другой ладонью, словно он намеревался забрать и это доказательство нашей свадьбы.

— Милосердием было явиться к вам без ритуала, — заметил он, едва заметно наклоняя голову. — Полагаю, теперь мы можем поговорить о цене сделки. Если вы, разумеется, ещё не передумали. Ведь вы не думали, что подобную услугу оказывают бесплатно? И да, на всякий случай напоминаю. Душу можете не предлагать.

— Нет, не передумала. Если моя цена не подходит, то называйте цену вы, — выдохнула я, чувствуя страшную слабость в теле.

Я поднялась с колен слишком резко; затёкшая нога подвернулась, и пришлось опереться ладонью о каменную плиту. Цена. Пока он произносил это слово, я невольно взглянула на обручальное кольцо и на драгоценности, которые не

сняла даже после похорон.

Но Смерть смотрел вовсе не на украшения.

Он переступил кровавую линию так, словно её не существовало, и подошёл почти вплотную. Вблизи от него пахло сухой старой бумагой, кожей переплётов и холодом, оставшимся на одежде после долгого пребывания в нежилом помещении.

Когда он протянул руку, я дёрнулась назад, но за спиной уже была плита. Пальцы без перчатки сомкнулись у меня под подбородком и заставили поднять лицо.

Прикосновение оказалось настолько холодным, что у меня свело челюсть, а по шее побежали мурашки. Он поворачивал мою голову то в одну, то в другую сторону, разглядывая меня с деловитой сосредоточенностью человека, который оценивает вещь перед покупкой.

Я видела серебряную вышивку на его манжете и красивую линию рта слишком близко, чтобы можно было притвориться, будто мы ведём обычную беседу.

— Что вы делаете? — выговорила я, хватаясь за его запястье, но не решаясь отвести руку. — Отпустите меня. Вы… вы не должны ко мне прикасаться так. Я вообще-то замужем…

Холод его пальцев продолжал проникать под кожу, хотя в ритуальной комнате и без того было зябко. Я пыталась разглядеть в его лице хоть намёк на то, какой ответ он собирается дать, но он только внимательнее изучал меня.

— Не мешайте мне. Я так назначаю цену, — ответил Смерть, не повысив голоса. Он чуть повернул моё лицо к свету свечи. — Аделла Рейсберг, в девичестве Ройстед. Хотя, постойте, Аделлу, кажется, я уже забирал.

Я стиснула зубы.

— Ваша душа не принадлежит этому миру. Душа — паразит, — заметил Смерть, продолжая разглядывать меня.

— Я не паразит! — возразила я, вцепившись в его запястье.

— Хорошо, слово получилось некрасивое. Но ведь тело не ваше. Вы просто вселились в него, когда я уже забрал душу. А ваша настоящая душа… Молчите. Сейчас всё сам посмотрю. Лиза Воробьёва, скромный курьер. Везла четыре пиццы, две шаурмы, восемь салатов. Ехала по специальной дорожке… Правил не нарушала. Правда, в тот день был дождь. И видимость так себе. Именно поэтому водитель КамАЗа просто не заметил её при повороте…

Я вздрогнула, вспоминая тот день. Грохот, удар, хруст, крик. И дождь… Холодный, противный дождь, летевший в лицо.

Я отвернулась бы, если бы его пальцы не удерживали мой подбородок. Хотелось возразить, что он не имеет права так со мной обращаться, но мне было страшно даже представить, что произойдёт, если он оскорбится и уйдёт. Смерть наконец отпустил меня и неожиданно поднял взгляд выше моей головы. Я тоже посмотрела вверх: над нами был обычный

потолок ритуальной комнаты. Он же задержался на чём-то невидимом, будто внимательно прочёл короткую строчку и остался доволен содержанием.

— Тогда вы от меня ускользнули, если я правильно помню, — улыбнулся Смерть. — Но в этот раз, пожалуй, у вас этот номер не пройдёт.

Глава 7. Половина оставшегося

Он промолчал, а я почувствовала, что он сейчас скажет цену, которая мне ужасно не понравится.

— Пожалуй, ценой возвращения мужа станет половина вашей оставшейся жизни, — объявил он и отступил ровно настолько, чтобы видеть мою реакцию.

У меня не получилось сразу осмыслить произнесённое. Я ждала суммы, драгоценности, бесценных артефактов, требование убить, например, несколько человек.

Но половина оставшейся жизни не имела привычной меры. Её нельзя было пересчитать, достать из шкатулки и положить перед ним. Я облизнула губы, чувствуя привкус крови от прикушенной во время ритуала кожи.

— Половина… моей оставшейся жизни? — переспросила я. — Как вы это себе представляете?

Я сказала это и сама услышала в голосе непонимание. Слова о деньгах были бы хотя бы понятны: деньги есть, их можно отдать, а время я никогда не держала в руках.

— Достаточно буквально, мадам, — заметил Смерть. — Я забираю половину того времени, которое вам осталось прожить. Для красивой женщины это не столь высокая цена. Я мог бы потребовать гораздо больше, но вы так очаровательно меня ненавидите, что я ограничусь половиной.

Он произнёс это с ленивой учтивостью, от которой ме-

ня бросило в жар. Ещё недавно я кричала, что согласна на всё, и теперь почувствовала, как легко эти слова повернулись против меня. Я вспомнила гроб Игниса, скрытый в глубине склепа, и попыталась удержать в голове сразу две мысли: муж мог вернуться, но мне самой предстояло чем-то за это заплатить.

— Объясните, пожалуйста, — попросила я, чувствуя, как застывает спина под мокрым от пота платьем. — Я не понимаю, как можно отдать половину того, чего ещё не прожила.

Смерть посмотрел на меня чуть внимательнее, словно убедился, что придётся приводить пример.

— Допустим, человеку сорок лет, а впереди у него ещё двадцать. Это только пример. Пример — не платье. Мерить на себя не надо, — уточнил он и, заметив, что я подалась вперёд, продолжил: — Если разделить этот остаток пополам, сколько получит каждая сторона?

Он дал мне мгновение на подсчёт. Я смотрела на раскрытую ладонь Смерти и вдруг поняла, что он, наверное, способен одним движением лишить человека того десятилетия, которым сейчас так легко распоряжался.

— Десять, — ответила я автоматически. Слова были такими простыми, что я почти рассердилась: он объяснял мне арифметику, а речь шла о том, сколько раз я ещё увижу утро.

Смерть дождался, пока я подниму глаза. Я ожидала, что он хотя бы выразит сожаление, но это была всего лишь арифметика, и именно так он собирался её обсуждать.

— Именно. Десять лет останется ему, десять перейдёт мне, — подтвердил Смерть. — Согласитесь, десятилетие — неплохой срок. Можно успеть многое: пожить счастливо, исполнить желания, прочитать несколько достойных книг. Некоторые люди и такой роскошью не располагают.

Я посмотрела на собственные руки. Они всё ещё дрожали после ритуала, но сейчас дрожь была другой. Если он говорил именно об остатке, то не имело значения, сколько мне лет: всё зависело от того, когда мне предстояло умереть. Я попыталась представить это число и обнаружила, что понятия не имею, с чего начать.

— Но если мне осталось не двадцать лет, а только год? — спросила я, уже чувствуя, как пересыхает язык. — Тогда ведь получится полгода?

Глава 8. Три с половиной дня

От моего собственного вопроса стало холоднее. Полгода мне представлялись теперь не числом, а временем, за которое едва успеешь перестать носить траур по Игнису.

— Совершенно верно, — ответил Смерть, наблюдая, как я считаю. Уголок его рта слегка приподнялся. — Вы быстро учитесь.

Я опустила взгляд на пол, пытаясь успокоиться и сосчитать остальные варианты. Но каждый следующий возможный срок оказывался ещё короче, и в голове настойчиво возвращалась одна и та же мысль.

— А если месяц? — Я невольно прижала ладонь к груди.

Мне хотелось, чтобы он рассмеялся и сказал, что молодые здоровые женщины не умирают через месяц без причины.

Он заметил, что я отступила от него на полшага, и проследил за этим движением. Мне захотелось спрятать лицо от его внимательного взгляда, как прячут от чужих глаз самые унизительные минуты отчаяния.

— Две недели, — сообщил он с прежней безмятежностью. — А если неделя, то три с половиной дня. Теперь, полагаю, вы уловили главное свойство моего предложения.

Я сжала ладонь на груди так сильно, что обручальное кольцо вдавилось в кожу соседнего пальца. Три с половиной дня. Мне могло не хватить времени даже на то, чтобы до-

ждаться, когда Игнис снова научится жить после смерти.

Я не знала, проснусь ли завтра, и это неожиданно оказалось страшнее, чем стоять напротив Смерти. До сегодняшней ночи я думала о далёком времени, когда состарюсь, если не вспыхнет метка истинности, а Игнис останется молодым. Иногда представляла, как он будет жить после меня, и даже испытывала к этим ещё не наступившим годам глупую ревность. Мы говорили о детях, смеялись над тем, как он станет выглядеть среди седых друзей. Теперь любая из этих картин могла исчезнуть раньше, чем я успею к ней привыкнуть.

— Сколько мне осталось на самом деле? — спросила я. Говорить приходилось медленно, потому что при каждом вдохе начинало подташнивать. — Вы же знаете. Скажите хотя бы, речь о годах или о днях.

Смерть вновь посмотрел поверх моей головы. Я уже поняла, что он видит там нечто недоступное мне. Он задержал взгляд, словно сверяя строчку, и вернулся ко мне с таким выражением, будто ответ давно готов, но произнести его было бы слишком щедрым подарком.

— А вот этого я не могу вам сказать, — произнёс он, задержав взгляд на моей причёске. — Если я назову срок, мадам, сделка утратит всю свою прелесть. Выбор, разумеется, принадлежит вам.

Глава 9. Пока он не ушёл

Я пыталась понять, смеётся он надо мной или действительно существует причина, по которой нельзя назвать число. От этого зависело всё; мой страх уже не имел ничего общего с тем, как я представляла себе Смерть прежде.

— Но вы знаете! — Голос снова сорвался, и я шагнула к нему сама, забыв на миг, кого пытаюсь удержать. — Вы ведь смотрите туда не просто так. Почему нельзя сказать? Я должна понимать, на что соглашаюсь!

Признаться, я надеялась выпросить хотя бы приблизительный ответ, заметить запинку, вынудить его оговориться. Однако чем сильнее я нажимала, тем яснее видела, что он не собирается уступать ни единого слова.

— А вы понимаете ровно то, что предлагаю, мадам: половину оставшегося времени, каким бы оно ни оказалось. — Он спокойно поправил манжету, на которой я оставила кровавый след. — Никто вас не принуждает. Если не желаете заключать сделку, я прощу вам беспокойство, и мы разойдёмся. До поры до времени, разумеется.

Он отступил на шаг, словно уже приготовился закончить визит. Мне стало трудно сглотнуть. Я стояла возле раскрытой книги в ритуальной комнате, ощущая холод каменного пола даже через подошвы туфель, и вдруг увидела выбор предельно ясно.

Если отпущу Смерть, Игнис останется мёртвым. Если соглашусь, могу оказаться рядом с мужем всего несколько дней, а потом он похоронит меня.

Я с ужасом пыталась прикинуть, как узнать собственный срок, но не знала ни одного способа. Тот, кто мог ответить, стоял передо мной и намеренно молчал.

— Вы пользуетесь тем, что человек в отчаянии, — сказала я, с трудом сдерживая рыдания. — Вам прекрасно известно, что я готова на всё. Вы видите, что со мной происходит, и всё равно предлагаете такое!

Упрёк прозвучал слабее, чем мне хотелось. Я стояла среди собственных неудачных линий, с глазами, опухшими от слёз, и понимала, насколько легко он может просто отвернуться.

— А зачем, по-вашему, я пришёл? — спросил Смерть, не делая попытки скрыть интерес. — Вы пять раз пытались призвать меня, мадам. Я счёл вашу настойчивость достаточным основанием выслушать предложение. Про то, что оно разумное, я, заметьте, не говорил.

От его спокойствия мне захотелось ударить его по лицу. Я старалась запомнить черты, которыми только что невольно любовалась, чтобы больше никогда не считать их красивыми. Он знал, что со мной произошло, и даже не пытался утешать. Пальцы до боли сжались вокруг обручального кольца.

— Я вас ненавижу, — выговорила я, глядя ему в глаза. Смерть выслушал без малейшего неудовольствия, и от этого я сорвалась. — Слышите? Ненавижу!

Он не повысил голоса и даже не сделал шага навстречу. Мне стало обиднее именно от этой невозмутимости: я называла его чудовищем, а он будто отмечал любопытную реплику в давно знакомой книге.

— Какая страстность, — заметил он. — Боюсь, вы не первая дама, сообщившая мне об этом. Но, должен признать, далеко не каждая делает подобное заявление, продолжая просить об услуге.

Я едва не бросила книгу ему под ноги. Вместо этого посмотрела на кольцо: Игнис надевал его мне на палец в день свадьбы, и тогда руки у меня дрожали от волнения. Муж улыбался и шепнул, что я самая прекрасная женщина на свете. Теперь он лежал под тяжёлой крышкой, и ни одно слово, произнесённое над ним, ничего не меняло. Мне представилось, что утром я вернусь в пустую спальню и увижу нетронутую подушку рядом со своей. Я не могла этого вынести.

Я должна была выбрать между пустой постелью на всю жизнь и неизвестностью: вдруг после сделки мне уже не хватит времени, чтобы снова увидеть мужа живым?

Глава 10. Любым, даже чужим

— Я согласна! — выкрикнула я, поднимая голову. Слова вырвались раньше, чем я успела ещё раз испугаться. — Заберите половину моей оставшейся жизни! Вы же этого хотите? Берите! Только верните мне Игниса. Прошу вас, я согласна!

Смерть перестал рассматривать меня и опустил взгляд к каменному полу. Я уже собралась повторить согласие, боясь, что он не расслышал моего хриплого крика, как линии вокруг моих ног неожиданно вспыхнули красным. По ним побежали золотистые искры, древние символы, которые я выводила с таким трудом, начали проступать один за другим. Я отшатнулась к плите; ткань платья зацепилась за шершавый край, и пришлось выдернуть подол, чтобы не упасть.

— Забавно, — произнёс Смерть, наблюдая за горящими знаками. — А теперь ваш круг всё-таки работает. Теперь хотя бы понятно, что вы желаете получить.

Я опустилась на колени, потому что ноги отказывались держать. Свет отражался на раскрытых страницах, и даже засохшая кровь казалась свежей. Пока круг горел, я боялась пошевелиться: вдруг неосторожное движение снова испортит ритуал?

— Прошу вас, — повторила я, не поднимая головы. — Не передумайте. Я уже согласилась.

Вспыхнувший круг горел у моих ног, но я всё ещё бо-

ялась, что огонь сейчас погаснет. Передо мной находился единственный, кто мог исполнить мою просьбу, и я не решалась даже моргнуть.

— А я предлагаю вам подумать ещё раз, — сказал Смерть. Он стоял за пределами вспыхнувших линий и смотрел на меня так внимательно, словно хотел понять, почему я продолжаю считать этот выбор единственным. — Вы молодая, богатая вдова одного из самых могущественных драконов королевства. У вас открывается целый мир возможностей. Можно путешествовать, снова выйти замуж, завести любовника — или нескольких, если вас устроит подобный образ жизни. Можно тратить состояние на совершенно бессмысленные удовольствия. Неужели ради мужчины, которого вы уже похоронили, вы готовы отдать половину всего, что ждёт вас впереди?

Я смотрела на золотистые искры и злилась, что он говорит о любовниках, когда я ещё помню тяжесть крышки гроба под руками. Да, у меня были деньги и титул. Но какое удовольствие могло бы заставить меня не оглядываться каждое утро на пустую половину постели? Я подняла лицо, чтобы он видел, как ненавистны мне его рассуждения.

— Я люблю Игниса, — сказала я и вытерла мокрый подбородок тыльной стороной ладони. — Мне не нужны путешествия и другие мужчины. Мне нужен мой муж.

Я заставила себя выдержать его взгляд. Он внимательно следил за моим лицом, будто искал в словах не смысл, а ка-

кую-то слабину, через которую сможет увидеть дальнейший ход разговора.

— Это я уже слышал, — ответил Смерть, однако не стал смеяться. Он посмотрел на вспыхнувшие линии круга, а потом на моё обручальное кольцо. — А если он вернётся не таким, каким вы его помните? Люди удивительно часто разочаровываются, когда получают именно то, о чём просили.

От слова «не таким» у меня перехватило горло. Я вспомнила, как недавно поправляла воротник мёртвого мужа, и испугалась, что Смерть сейчас скажет: прежнего лица мне больше не увидеть.

— Что значит «не таким»? — Я поднялась, не сводя с него глаз. — Вы ведь возвращаете Игниса, а не кого-то другого? Он будет помнить меня?

Глава 11. Печать Смерти

Я невольно отступила от Смерти, словно лишний шаг мог уберечь меня от его ответа. Услышать его было страшно, но оставить вопрос без ответа — ещё страшнее.

— Я говорю об обстоятельствах, мадам, — уточнил он, не торопясь успокоить. — Может измениться внешность, положение, многое из того, к чему вы привыкли. Возможно, даже отношение к вам. Вы всё ещё настаиваете?

Я представила мужа без титула и роскошного мундира, без драконьей силы, но живого. Он мог бы сердиться из-за потери власти, ему трудно было бы привыкнуть к новому положению, однако я была уверена, что он не перестанет любить меня из-за таких пустяков. Главное — он дышал бы, разговаривал, засыпал рядом. Мне не понадобилось много времени, чтобы ответить.

— Игнис любит меня, — произнесла я уверенно, хотя от спокойного «возможно» Смерти у меня сжалось горло. — И я буду любить его любым. Пусть у него не останется титула, богатства, магии, пусть он изменится внешне — мне всё равно. Я ведь прошу вернуть мне мужа, а не герцогство. Если бы мне нужно было вернуть герцогство, то я бы обратилась к юристам!

Мне показалось, что Смерть впервые действительно слушает, а не просто развлекается беседой. Его лицо осталось

спокойным, зато взгляд сделался цепким; я невольно выпрямилась, не желая выглядеть неуверенной.

— Любым, значит? — переспросил Смерть, и впервые за всё время его интерес перестал казаться ленивым. Он смотрел на меня с таким удовольствием, словно моя уверенность была единственным, ради чего стоило появляться в ритуальной комнате.

Я видела, что он ждёт подтверждения, и мне захотелось произнести его ещё твёрже. Не потому, что сомневалась, а потому, что он слишком внимательно наблюдал за моей растерянностью.

— Любым, — повторила я, не отводя взгляда, чтобы он больше не сомневался в моих словах.

Он чуть помедлил, будто растягивал удовольствие от услышанного. В этой паузе мне почудилось то же напряжённое ожидание, с каким он появился после моих бесполезных попыток призыва.

— Ах, мадам, как же я люблю, когда люди делают такие громкие, смелые и категоричные заявления, — произнёс он с тихим удовлетворением и протянул руку над кровавым кругом.

Протянутая рука остановилась у моей груди. Я отшатнулась, но Смерть коснулся двумя пальцами ткани над сердцем. Внутри вдруг что-то потянулось вслед за его рукой. Я согнулась от непривычного ощущения, словно меня медленно вытягивали из собственного тела, а перед глазами просту-

пило бледное свечение.

— Что вы делаете?! — воскликнула я и вцепилась ему в запястье, пытаясь оттолкнуть. — Вы ведь обещали забрать половину жизни!

— И заберу ровно половину вашей жизни, — спокойно ответил он, удерживая между пальцами край мерцающего света. — Не мешайте мне скрепить договор. В обычном случае я мог бы скрепить его поцелуем. Но относясь с уважением к вашей любви, обойдемся скромной и весьма неприятной печатью.

Он прижал большой палец к свету. На мгновение в нём проступил тёмный знак, похожий на оттиск печати. Затем Смерть разжал пальцы, и свечение ушло обратно в мою грудь. Я судорожно вдохнула, ощупывая себя: на платье не осталось даже следа.

— Где печать? — выговорила я, всё ещё чувствуя чужой холод под рёбрами.

— Там, где вы не сможете от неё избавиться, мадам, — ответил он и наконец убрал руку.

Красные линии налились золотым светом. Я зажмурилась, когда сияние ударило по глазам, а потом услышала негромкое движение возле себя и поспешно открыла веки.

Смерть стоял почти вплотную, держа на раскрытой ладони небольшой золотистый огонёк. Он пульсировал, то разгораясь, то делаясь тусклее, и с каждым слабым толчком мне отчаянно хотелось подставить под него руки, чтобы не дать

угаснуть.

Глава 12. Душа на ладони

— Игнис? — позвала я, сама испугавшись того, сколько надежды прозвучало в одном имени.

Огонёк мягко освещал лицо Смерти снизу. Я не понимала, узнаёт ли моя душа что-то знакомое в этом свете, и тянула руки вперёд, чтобы скорее ощутить его тепло.

— Душа вашего супруга, мадам, — пояснил Смерть. Он поднёс огонёк ближе, позволяя рассмотреть его, но не торопился передавать. — Последняя возможность передумать. Пока он у меня, вы можете отказаться от сделки. Разрешаю просто попрощаться и сказать ему всё, что не успели сказать при жизни.

Я протянула обе ладони, стараясь удержать их ровно. В этом маленьком свете было всё, ради чего я пять раз начинала неудавшийся ритуал, снова царапала пальцы и умоляла хоть кого-нибудь откликнуться. Я уже видела, как поднимается крышка гроба и Игнис открывает глаза. Смерть по-прежнему ждал ответа, и я заставила себя выговорить его разборчиво:

— Нет. Я не передумаю. Отдайте мне его, пожалуйста. Я уверена, — выговорила я, удерживая руки на весу.

Каждая секунда, пока огонёк оставался у него, казалась опасной: он ведь ещё мог разжать пальцы не над моими ладонями.

Он разжал пальцы, и огонёк осторожно опустился мне на ладони. Я невольно придвинула их к груди; свет согревал замёрзшие пальцы, и после холодного прикосновения Смерти это тепло показалось невозможным. По щекам снова потекли слёзы, но теперь я смотрела только на душу Игниса, боясь упустить малейшее изменение её свечения.

— Любимый, сейчас… — прошептала я, осторожно закрывая ладонями огонёк от сквозняка. — Сейчас я тебя верну. Подожди ещё немного, хорошо?

Я осторожно приподняла ладони, стараясь не задеть огонёк. Колени ныли от каменного пола, но я уже думала только о том, как добраться до фамильного склепа, где покоился Игнис.

— Что ж, мадам, сделка заключена, — произнёс Смерть с удовлетворением человека, закончившего давно занимавший его разговор. — Вам останется только донести душу до тела. И, разумеется, придумать версию для слуг и знакомых, как так вышло, что вчера его хоронили, а сегодня снова здороваемся за руку. И да, кроме вас никто не имеет права прикасаться к душе. Запомните. Никто, кроме вас. И чем быстрее вы вернете душу телу, тем будет лучше для него.

Я едва слышала его. До фамильного склепа ещё нужно было добраться, а после часов на холодном полу ноги плохо слушались. Я выпрямилась, прижимая ладони друг к другу так, чтобы не сдавить огонёк, и представила, как Игнис вновь обнимет меня. Я смогу сказать ему всё, чего не успела той

ночью, показать, как напугалась, и попросить никогда больше не уходить, не попрощавшись.

— Надеюсь, Аделла, вы не пожалеете о своём выборе, — донёсся за спиной голос Смерти. Он произнёс моё имя без прежнего «мадам», и я непроизвольно остановилась, хотя не хотела тратить на него ни секунды.

Я замедлила шаг; даже теперь его голос умел заставить меня обернуться почти против воли. Но ради души Игниса мне следовало смотреть под ноги, а не на мужчину позади.

— Никогда! — ответила я, не оборачиваясь. Золотистый свет согревал мои руки, а Игнис всё ещё ждал меня в фамильном склепе.

Свет сквозь пальцы был слишком ярким, чтобы я могла разглядеть что-нибудь ещё. Мне хотелось как можно скорее выйти из ритуальной комнаты и добраться до склепа, и я не понимала, почему незнакомец продолжает задавать вопросы после заключённой сделки.

— Вот это и предстоит выяснить, — заметил Смерть с такой неприкрытой заинтересованностью, что я крепче сжала ладони вокруг души Игниса.

Я направилась к выходу из ритуальной комнаты, но ноги, измученные долгими часами на каменном полу, едва держали меня. Я остановилась, боясь уронить душу Игниса. А ведь до фамильного склепа мне ещё предстояло добраться.

Глава 13. Вы уронили, мадам!

Я всё-таки вышла из ритуальной комнаты, прижимая локти к бокам, чтобы ладони не расходились.

Между пальцами пробивался золотистый свет, и я боялась отвлечься от него хоть на мгновение.

\От порога до стены коридора было всего несколько шагов, но, когда я добралась до неё, в висках уже шумело. Я привалилась плечом к холодному камню, пережидая дурноту и не опуская рук.

— Я дойду, — шепнула я Игнису сорванным от заклинаний голосом. — Обязательно дойду. Ты только подожди меня, любимый.

Душа теплилась в моих ладонях. Хотелось верить, что Игнис слышит меня, хотя Смерть ничего подобного не обещал. Вчера я растирала его холодные пальцы и не могла добиться даже вздоха. Теперь несла ему то, чего не сумел вернуть ни один лекарь.

До семейного склепа оставалось добраться самой, и мне впервые после похорон хотелось туда поспешить.

Опереться о стену рукой я не могла: пришлось бы разомкнуть ладони. Я двигалась вдоль камня, касаясь его плечом. Ныли предплечья, кожу на порезанных пальцах стягивало, а я продолжала держать руки перед собой, осторожно переставляя ноги.

Мне бы отдохнуть, но стоило представить Игниса под крышкой гроба, и я упрямо делала следующий шаг.

Я ведь обещала ему, что не отпущу. Тогда, в спальне, он не ответил, а теперь у меня появилась возможность исполнить обещание. Я представила, как муж откроет глаза и как я услышу его дыхание, которого так ждала той ночью.

От мысли, что мы ещё успеем обняться, хотелось одновременно смеяться и плакать. Даже слабость показалась не такой страшной: половина моей жизни была отдана не напрасно.

— Скоро, — снова пообещала я, забыв, что разговариваю с огоньком вслух. — Ты скоро будешь жив. И я тебя обниму. Обязательно…

На следующем шаге меня повело от слабости, и нога подвернулась. Я попыталась перенести вес на другую, но та тоже не удержала.

Я успела повернуться боком, стараясь не упасть на ладони, и больно ударилась коленом о пол. От толчка пальцы разжались, хотя я отчаянно пыталась удержать их сомкнутыми. Золотистая душа выскользнула и упала рядом.

Из другого конца коридора послышались быстрые шаги. Я подняла голову и увидела молодого лакея. Почему он не спал в такой час, я не знала. Заметив меня на полу, он бросился ко мне.

— Мадам! Вы не ушиблись? — крикнул лакей на бегу и протянул руки, собираясь помочь мне подняться.

Его взгляд опустился на золотистый огонёк. В памяти немедленно прозвучало предупреждение Смерти: никто, кроме меня, не имеет права прикасаться к душе. Я потянулась к ней, но рука после падения слушалась плохо, а лакей уже оказался рядом.

— Не подходи! — закричала я, пытаясь подняться с пола. — Не трогай!

Лакей наклонился и протянул пальцы к свету. Он, похоже, решил, что я потеряла какую-то драгоценность, и не понимал, почему я так испугалась.

— Мадам! Вы уронили! — воскликнул он, подхватывая огонёк.

Я бросилась к его руке, забыв о боли в колене, но лакей уже держал душу Игниса.

— Не-е-ет! Не прикасайся!!! — выкрикнула я и потянулась к нему, не успев даже коснуться его пальцев.

Лакей застыл, так и не успев выпрямиться. Свет потянулся к его груди, словно его втягивали сквозь ткань жилета. Я видела, как золотистое сияние исчезло внутри чужого тела, а молодой мужчина судорожно вдохнул и закашлялся.

Он схватился за грудь, попытался отвести руку, но его затрясло; лакей упал на колени, а затем повалился на пол рядом со мной.

Я поползла к нему, не замечая, что опираюсь порезанными ладонями о камень. Веки лакея были сомкнуты, дыхание сбивалось после кашля. Я смотрела на чужое лицо и боялась

произнести единственное имя, которое могло теперь иметь значение.

— Игнис… — прошептала я, остановившись возле него. — Игнис, это ты?

Молодой лакей открыл глаза и с удивлением посмотрел на меня.

Глава 14. Чужое отражение

— Аделла? Делли, это ты? — хрипло произнёс лакей, приподнимая голову. Он смотрел на меня так растерянно, будто ещё мгновение назад находился совсем в другом месте, а теперь пытался понять, почему я плачу над ним посреди коридора.

Я бросилась ему на шею, не дав как следует подняться. Под щекой зашуршала грубоватая ливрея, и я услышала частое сердцебиение. Ещё недавно я прижималась ухом к груди Игниса и боялась пошевелиться, чтобы не пропустить хотя бы один удар. Тогда было тихо, сколько бы я ни слушала.

Сейчас сердце билось так отчётливо, что у меня вырвался какой-то нелепый звук — то ли всхлип, то ли смех. Я обняла его крепче, хотя знала: лицо, плечи, даже голос принадлежали другому человеку.

— Да, милый, да… — выговорила я сквозь слёзы, прижимаясь губами к чужой ткани. — Я здесь. Я тебя слышу, Игнис…

Он попытался сесть. Мне пришлось разжать руки, и оттого, что муж хотя бы мог сам шевелиться, я снова едва не разрыдалась. Игнис оглядел коридор, опёрся ладонью о пол и удивлённо спросил:

— Что произошло? Почему я лежу в коридоре?..

Я открыла рот, собираясь объяснить, но не смогла произ-

нести, что его похоронили. Я ведь ещё помнила, как доктор проверял пульс и просил второй диагностический кристалл, а потом принёс мне соболезнования.

Произнести теперь «ты умер» значило снова допустить ту страшную ночь между нами, а я хотела только одного — чтобы он дышал, разговаривал со мной и больше никуда не исчезал. Игнис нахмурился, поднял руки и принялся рассматривать ладони, словно именно там мог найти ответ. Перевернул их, согнул пальцы, долго смотрел на чужую кожу. Потом замер.

— Я был мёртв, я помню… — произнёс он хрипло. Он даже не посмотрел на меня, будто боялся, что я подтвержу его догадку.

Я накрыла его пальцы ладонью. Они были тёплыми, подвижными, и я вдруг улыбнулась сквозь слёзы: он мог шевелить руками, говорить, смотреть на меня. Я столько вымолила у Смерти и наконец получила то, чего просила.

— Да! Но теперь ты жив! — поспешила я, сжимая его пальцы. — Снова жив, любимый. Я смогла… Понимаешь, смогла тебя вернуть!

Мне хотелось обнимать его и смеяться, но Игнис уже поднимался, а затем помог встать и мне. Ушибленное при падении колено не выдержало нагрузки; я вцепилась в его ливрею, с трудом сохраняя равновесие. Раньше муж подхватил бы меня своими большими, горячими драконьими руками. Сейчас поддерживавшие меня пальцы были тоньше и про-

хладнее, но отнимать у них свою руку я не собиралась. Я подняла голову, ожидая увидеть знакомое красивое лицо, и на мгновение растерялась от близости незнакомца. Мне пришлось напомнить себе, что именно этот человек только что назвал меня по имени.

Игнис заметил зеркало в коридоре и направился к нему. Я осталась у стены, наблюдая, как он приблизился к отражению, потрогал щёку, провёл ладонью по подбородку. Потом резко тряхнул головой и снова вгляделся в стекло, будто надеялся, что лицо молодого лакея исчезнет, стоит ему моргнуть.

— Это я? — спросил он, и на чужом лице появился такой ужас, что мне захотелось немедленно увести его от зеркала.

Глава 15. Сделка со Смертью

Я придвинулась к нему, всё ещё придерживаясь стены, и посмотрела на отражение рядом с ним. Даже стоя плечом к плечу, мы теперь выглядели совершенно иначе, чем до его смерти. От этого стало больно за Игниса: он даже не мог узнать себя, хотя я готова была принять любой его облик.

— Да, ты, — прошептала я. — Я сумела тебя вернуть… Хотя бы так…

Я хотела отвести его от зеркала, но Игнис продолжал изучать чужие щёки и подбородок, будто искал под кожей прежние черты. От его сосредоточенного отчаяния моя радость стала почти неловкой: мне хватало того, что муж жив, а ему предстояло научиться жить с этим лицом.

— Как ты вернула? — резко спросил Игнис, оторвавшись от зеркала. Его взгляд задержался на моих порезанных пальцах, и я невольно спрятала их у живота.

Меня смутил этот резкий тон, но ещё сильнее — то, как он смотрел на кровь. Кровь на коже была единственным видимым следом часов над заклинанием. Другую цену знали лишь я и Смерть.

— Я воспользовалась ритуалом. Заключила сделку со Смертью. Чтобы вернуть тебя, — ответила я. При одном упоминании Смерти я снова ощутила ледяной холод там, где он оставил свою печать. Меня вдруг потянуло рассказать Игни-

су обо всём, потребовать, чтобы он понял, какую цену я заплатила. Но слова «половина оставшейся жизни» я удержала при себе. Сейчас муж был жив, и мне не хотелось, чтобы наша первая беседа превратилась в разговор о том, когда я умру.

Игнис вновь взглянул на порезы, и я спрятала ладони за складками платья: мне хотелось, чтобы он смотрел на меня, а не на следы того, какой ценой совершилось чудо.

— Ты провела ритуал, который не мог провести ни один из моих предков? — спросил Игнис уже с неподдельным изумлением. Он снова посмотрел на свои руки, затем на мои, и я торопливо заговорила, пока он не успел задать другой вопрос.

Мне захотелось напомнить ему о шкатулке. Я столько раз думала о ней, пока проводила ритуал, что слова теснились на языке.

— Да! Тот, что лежал в чёрной шкатулке. Ты мне его показывал! Помнишь? Твой прапрадед раздобыл его за огромные деньги, чтобы воскресить свою жену. И я подумала, что он сработает… Просто я была в таком отчаянии, Игнис. Я не хотела жить без тебя.

— Но ритуал был ошибочным… Он не работал… Маги это доказали, — задумался Игнис.

— Но Смерть пришёл, — выдохнула я. — Он услышал меня. И пришёл… И вот теперь ты жив.

Я улыбнулась ему, ещё не умея удерживать эту радость

на лице. Смерть назначил страшную цену, но сейчас Игнис стоял передо мной; я могла дотронуться до него, услышать ответ, и мне казалось, что никакой другой награды на свете уже не нужно. Только муж всё смотрел то на руки, то на зеркало. Я ждала, что он сам шагнёт ко мне.

Он будто только сейчас заметил это ожидание. Сделал шаг навстречу, осторожно притянул меня к себе и выдохнул:

— Прости. Прости, что сразу не обнял.

Я почти повисла у него на шее. Ткань ливреи натирала щёку, рука мужа лежала на спине непривычно низко, а вместо привычного драконьего жара я чувствовала обычное человеческое тепло. Я упёрлась лбом ему в плечо и едва сдержала счастливый, совсем неуместный смех. Какое счастье — снова обнимать мужа, даже если привычные объятия изменились вместе с его телом.

— Ничего страшного, — всхлипнула я, стараясь расслышать его дыхание сквозь собственные рыдания. — Я понимаю, ты выглядишь иначе, но я всё равно люблю тебя… Слышишь? Люблю… И я рада, что ты жив. Снова жив…

Глава 16. Он снова дышит

Он медленно гладил меня по спине. Я прижалась щекой к его груди и слушала дыхание. Мне хотелось продлить этот миг до бесконечности, даже колено перестало казаться таким болезненным.

Я уже представляла завтрашнее утро: он просыпается рядом, поворачивается ко мне, просит что-нибудь совершенно обычное, и мне больше не приходится проверять его дыхание. Игнис чуть отстранился и спросил:

— Сколько я был мёртв?

Мне вспомнилось, как между нами опускалась крышка гроба и как я цеплялась за край, пока чужие руки оттаскивали меня. Я крепче сжала его ливрею, чтобы смотреть сейчас на живого мужа, а не на те страшные воспоминания.

— Почти двое суток… Тебя успели похоронить, — выговорила я, давясь слезами. Я стыдилась новых слёз: почему я всё ещё плакала, когда должна была смеяться от счастья?

Игнис посмотрел на меня внимательнее. Его взгляд опустился к порезам на моих руках, и он бережно взял меня за запястья, стараясь не касаться ран.

— Ясно, — выдохнул он, нахмурившись, и голос его смягчился. — Милая, Делли, тебе надо отдохнуть. Ты еле стоишь на ногах… Ты вообще вся бледная. И руки надо перевязать…

Услышав «Делли», я невольно улыбнулась. Никто, кроме Игниса, так меня не называл, и теперь это ласковое слово было дороже всех доказательств, что Смерть вернул именно его.

Он повёл меня в спальню, позволяя опереться на себя; идти быстро я не могла из-за колена и слабости после ритуала.

Если кто-нибудь из слуг встретит нас и решит, что молоденький лакей сопровождает хозяйку в её спальню, пусть думает что угодно. Я знала, кто держит меня под руку.

Я сама выпросила для него эту возможность жить и не собиралась отстраняться ради чужих представлений о приличиях.

Игнис помог мне промыть порезы. От воды саднило пальцы, и я невольно вздрагивала, когда она попадала в рассечённую кожу, но муж держал мои ладони осторожно и терпеливо накладывал бинты. Я следила за тем, как движутся его руки, и вспоминала крупные пальцы с родовым перстнем, сложенные на груди покойника.

Теперь чужие руки без перстня перевязывали мне раны, и я глупо улыбалась каждому осторожному движению. Когда Игнис закончил с перевязками, помог мне переодеться в ночную сорочку и лечь в постель, я послушно опустила голову на подушку, чувствуя, как почти не осталось сил держать глаза открытыми. Мне хотелось попросить его лечь рядом, просто чтобы утром снова услышать дыхание мужа, а не проснуться в пустой постели.

— А ты? — спросила я, заметив, что он отошёл.

Глава 17. К матушке

Я попыталась приподняться, чтобы не терять его из виду. Мне было жаль каждого мгновения, когда он находился дальше вытянутой руки. Я ещё не успела насмотреться на него и никак не могла привыкнуть, что теперь между нами опять возможно расстояние, а не закрытая крышка гроба.

Игнис подошёл к окну и тронул штору. За стеклом всё ещё стояла ночь. Я смотрела на его силуэт и представляла, как было бы хорошо лечь рядом и слушать его дыхание до самого утра. Даже если бы мне не удалось заснуть, это стала бы первая ночь за двое суток, когда не пришлось бы бояться тишины в нашей спальне.

— Мне нужно съездить к матушке, — произнёс он, глядя наружу. — Представляешь, какой у неё разрыв сердца случился, когда она узнала о моей смерти. Я должен ей сообщить.

Я приподнялась на локте, забыв, как больно упираться забинтованной рукой. Мне не хотелось отпускать его сейчас, когда я едва успела поверить, что он вернулся. Но ведь матушка тоже горевала по нему; кто лучше меня мог понять, как она обрадуется? Я попыталась представить их встречу и вместо Игниса увидела перед ней молодого лакея, который заявит, что он её погибший сын.

— А если она тебя не узнает? — спросила я, глядя на

незнакомый профиль. — Может, ещё рано сообщать? Мы ведь даже версию не придумали…

Игнис обернулся, словно счёл мою тревогу совершенно напрасной, и усмехнулся:

— Думаю, меня-то она точно узнает! Если что, скажу ей то, о чём знаем только мы с ней. Тогда она быстро всё поймёт.

Я хотела попросить его остаться хотя бы до утра. Мне казалось, что стоит нам разлучиться сейчас, и чудо кончится, а я снова проснусь одна. Но Игнис уже возвращался к постели, и я поспешно протянула ему руки, счастливая хотя бы ещё раз прикоснуться к нему.

Он взял мои забинтованные ладони, поцеловал обе и осторожно опустил на одеяло. Я невольно улыбнулась: он заботился обо мне, хотя сам только что вернулся к жизни, и эта мысль казалась невероятной.

— Постараюсь вернуться побыстрее. Не хочу надолго оставлять тебя одну, — пообещал он, направляясь к двери.

Он произнёс это так просто, как если бы собирался отлучиться по самому обычному делу, и я попыталась поверить в его спокойствие.

Я следила за его удалявшейся фигурой. Мне хотелось запомнить даже эту непривычную спину, хотя я ждала знакомого движения: прежде Игнис всегда наклонялся и целовал меня в губы, даже если очень спешил. Теперь он уже взялся за дверную ручку. Я приподнялась на подушках, не понимая,

как он мог забыть о самом простом между нами.

— Ты… ты забыл кое-что! — окликнула я, стараясь придать голосу привычную ласковость. Меня вдруг смутило, что приходится напоминать об этом после похорон и ритуала, будто я требую от мужа слишком многого.

Игнис остановился у двери, не отпуская ручку. На лице молодого лакея появилось такое искреннее удивление, что я невольно задержала дыхание. Он повернулся ко мне и спросил:

— Что?

Глава 18. Первый поцелуй после смерти

— Что? — повторил Игнис, всё ещё придерживая дверную ручку.

Он стоял вполоборота, будто уже мысленно уехал, а я никак не могла заставить себя объяснить, что именно он забыл. Ведь ещё совсем недавно мне казалось, что больше никогда не услышу от него ни одного слова, а теперь я требовала чего-то такого обыкновенного, о чём прежде даже не задумывалась.

Под бинтами болезненно потянуло пальцы: я так крепко вцепилась в одеяло, словно собиралась удержать мужа на месте. Он ждал моего ответа, а я смотрела на его лицо и искала в нём хотя бы намёк на прежнюю улыбку.

— Ты меня не поцеловал, — призналась я, и щёки предательски нагрелись. — Мы ведь всегда целовались перед тем, как ты уходил. Даже если ссорились, помнишь? Я думала…

Я осеклась и посмотрела на забинтованные пальцы, лежавшие поверх одеяла. От радости я едва не забыла, какой страшной была эта ночь для него самого.

— Прости. Наверное, я слишком тороплюсь.

Игнис наконец отпустил ручку. Я с такой жадностью проследила за его шагами к постели, что мне стало неловко за

саму себя. Он остановился рядом, но не наклонился ко мне, как сделал бы раньше. Вместо этого провёл пальцами по собственным губам, словно пробовал, действительно ли они принадлежат ему.

— Делли, я только что увидел в зеркале совершенно чужого человека, — сказал он, с досадой разглядывая свою руку. — Ты хоть представляешь, каково это? Я не узнаю ни собственный голос, ни лицо. А ты хочешь, чтобы я целовал тебя этими губами и делал вид, будто ничего не изменилось.

Мне стало стыдно ещё сильнее. Для меня самым страшным уже было то, что Игнис не проснулся, когда я звала его, что доктор опустил диагностический кристалл, а крышка гроба закрыла лицо мужа. На фоне всего этого другое лицо казалось такой малостью! Но ведь не ему пришлось привыкать к моей радости: это он оказался заперт в теле лакея и сейчас смотрел на меня чужими глазами, которые даже я ещё не научилась узнавать.

— Я не прошу тебя притворяться, милый, — сказала я, протягивая к нему руку. Бинт царапнул кожу, и пришлось разжать пальцы. — Мне ведь не твоё прежнее лицо было нужно. Я хотела, чтобы ты вернулся. Ты… Понимаешь… А ты здесь. Ты говоришь со мной, сердись на меня сколько хочешь, только… не думай, будто для меня стал чужим.

Он сел на край постели и взял мою ладонь, осторожно обходя повязку. Я потянулась к нему сама. До сих пор приходилось удерживать себя от того, чтобы каждую минуту тро-

гать его плечо, руку, щёку, словно воскрешение могло закончиться, стоит мне отвернуться. Игнис посмотрел на меня внимательнее, и я уже ждала, что сейчас увижу его улыбку.

— Тебе всё равно, как я выгляжу, — проговорил он тише. — А мне пока нет, Делли, любовь моя. Дай мне хоть немного привыкнуть.

Я кивнула слишком поспешно, потому что боялась расстроить его своим желанием. Игнис притянул меня к себе, и я подняла лицо, заранее закрывая глаза. Его губы коснулись моего лба. Поцелуй получился бережным и коротким; прежде такой лаской он обычно успокаивал меня, когда я плакала.

Я обняла его за талию, прижалась щекой к ливрее и попыталась радоваться тому, что получила, не вспоминая о том, чего ждала. Под тканью поднималась и опускалась его грудь. Мне было достаточно прислушаться, чтобы снова захотелось плакать от счастья.

— Я подожду, сколько нужно, — пообещала я ему в плечо. — Только возвращайся поскорее. Мне ещё столько хочется тебе рассказать… И просто побыть с тобой. Без докторов, без чужих людей, без…

На последнем слове я споткнулась. Мне всё ещё трудно было произносить «гроб» рядом с живым мужем.

— Ты же понимаешь меня?

Глава 19. Дорога к матушке

У него под рукой я постепенно перестала напрягать плечи. Впервые за эти двое суток можно было не следить за чужими действиями, не просить помощи и не бояться, что кто-нибудь снова произнесёт роковое слово. Хотелось хотя бы несколько минут побыть для Игниса просто женой.

— Понимаю, милая. — Он погладил меня по волосам, но вскоре осторожно отстранился. — Мне действительно нужно к матушке. Она уже два дня думает, что похоронила сына. И сейчас мне придётся доказывать ей, что чудеса случаются.

— Можно я поеду с тобой? — прошептала я. — Мне кажется, что так будет проще убедить её.

— Только если она не подумает, что ты сошла с ума на почве горя, — рассмеялся Игнис, красиво запрокидывая голову. И мне тоже захотелось рассмеяться вместе с ним.

Но тут его лицо стало серьезным.

— Милая, ты сегодня сделала столько, сколько невозможно представить. И я бы не хотел, чтобы твои последние силы были потрачены на семейные сцены, — заметил Игнис. — А сцены, разумеется, будут. Не каждый день в дом стучится лакей и говорит, что в нем душа твоего сына. Учти, меня могут даже выставить за порог! Так что, думаю, мне будет проще, если я буду один. А тебе нужно отдохнуть. Просто постарайся уснуть, если получится.

Я хотела возразить, но, едва ослабив пальцы на простыне, обнаружила, что они дрожат. Я даже не сумела бы удержать чашку, не говоря уже о поездке вместе с Игнисом.

— Я постараюсь недолго, — заметил Игнис, а я узнала его мимику на чужом лице. Он всё так же вскинул бровь. — Хотя как повезёт… Мамочка у меня мало того что упрямая, так ещё и неверящая в чудеса.

Я рассмеялась. Да! Именно чудеса! Это слово «чудо» заставило что-то в носу противно защипать. Я и сама до сих пор не верила в то, что у меня получилось.

— Люблю тебя. Спокойной ночи, — прошептал Игнис, а я лишь глубоко вздохнула и устроилась поудобнее.

Я отпустила его, хотя всё во мне противилось очередному расставанию.

Конечно, матушка должна узнать! Я одна провела рядом с мёртвым Игнисом почти всю ночь и едва не лишилась рассудка. Ей ведь тоже пришлось узнать о смерти сына и поверить, что она больше никогда его не увидит.

Я представила, как он входит к ней живой, как она слышит знакомое «матушка» и от счастья сначала даже не верит. От этой картины у меня вдруг потеплело на душе. Пусть хотя бы ещё один человек сегодня перестанет горевать.

Игнис поднялся, разгладил рукав ливреи, и только тогда я заметила, что он снова собирается уйти в одежде слуги. Ещё вчера любой кучер в доме поспешил бы подать герцогскую карету по одному его слову.

А сейчас перед ними стоял молодой лакей. Если бы он приказал седлать лошадей или готовить экипаж, его в лучшем случае спросили бы, с чего это он распоряжается чужим добром.

— Игнис, подожди, — окликнула я, пока он не дошёл до двери. — Ты же не можешь просто приказать подать карету. Для всех в доме ты пока…

Мне не хотелось договаривать, и я виновато взглянула на тёмную ливрею. Это была моя вина. Я просто не смогла донести душу до нужного тела. И мне до сих пор было странно смотреть на то, как чужой человек говорит интонациями моего мужа.

— Давай я распоряжусь. Возьми наш закрытый экипаж, чтобы никто по дороге не приставал с расспросами.

Игнис опустил глаза на рукав. На его лице мелькнуло выражение, которое я уже видела перед зеркалом, и я пожалела, что так неосторожно напомнила ему о положении лакея.

— Прекрасно, — произнёс он с невесёлой усмешкой. — Теперь мне даже для поездки к собственной матери понадобится разрешение герцогини.

Глава 20. Карета герцогини

Я увидела, как болезненно он воспринял собственные слова. Ещё недавно в этом доме никто не посмел бы усомниться в праве Игниса распоряжаться каретами, и мне захотелось поскорее избавить его от этого унижения.

— Не разрешение, — поспешила возразить я. — Просто слуги не знают правды. Ну как я им сейчас объясню? Я ведь сама ещё не могу поверить, что ты жив. А завтра мы всё придумаем. Вместе. Обязательно. Пока что придётся немного схитрить.

Я дотянулась до шнура звонка и потянула за него. От движения больно потянуло порезы под повязкой, но я была почти благодарна за эту обыкновенную заботу.

Можно было распорядиться экипажем, позаботиться о дороге мужа, дождаться его возвращения.

Всё это были дела живых людей; после похорон мне казалось, что ничего подобного у нас больше не будет. Игнис остался у окна, пока я ждала отклика на звонок. Я пыталась поймать его взгляд, чтобы улыбнуться, но он продолжал рассматривать чужие ладони.

На пороге появился слуга. При виде молодого лакея возле хозяйской постели он на мгновение задержал взгляд, и я вдруг поняла, как странно всё выглядит со стороны.

На мне была ночная одежда, руки перебинтованы, а незна-

комый мужчина в ливрее стоит в спальне умершего герцога. Мне стало досадно от необходимости что-либо объяснять, поэтому я заговорила прежде, чем слуга успел задать вопрос.

— Прикажите подать мой закрытый экипаж, — сказала я, стараясь, чтобы сорванный голос звучал твёрдо. — Этот человек поедет по моему личному поручению. Кучер должен отвезти его туда, куда он укажет, и ни о чём не расспрашивать. Ясно?

Слуга поклонился и ушёл исполнять приказ. Я перевела дух и взглянула на Игниса с невольной гордостью: всё получилось.

Поданная карета вдруг показалась настоящей победой над прошедшими сутками: теперь я могла позаботиться о его дороге, а не стоять беспомощно возле гроба.

До смерти я часто даже не замечала, как легко мы решали такие мелочи вдвоём.

— Ну вот, — сказала я, протягивая руку. — Теперь тебя никто не задержит. И матушка узнает правду от тебя самого. Только не пугай её, хорошо? Она ведь не знает, что произошло, и наверняка сначала не поверит… Бедная женщина… Я даже не знаю, радоваться за неё или сочувствовать…

Я не договорила: сама ведь ещё несколько минут назад стояла рядом с зеркалом и с трудом убеждала себя, что этот незнакомец — мой муж. При мысли о том, что его мать испугается, мне стало не по себе, но Игнис уже подошёл к кровати.

— Разберусь, Делли, — перебил он мягче, чем говорил минуту назад. Подошёл к кровати и осторожно сжал мне плечо. — А ты ложись. Посмотри на себя: держишься из последних сил. Когда вернусь, хочу увидеть тебя отдохнувшей, а не снова на ногах посреди ночи.

Мне захотелось ответить, что я выдержу и ещё одну ночь без сна, лишь бы теперь он был рядом. Но я действительно едва сидела.

Стоило расслабить спину, как подушка становилась такой желанной, что я боялась не успеть проводить его взглядом. Я всё-таки легла и подставила ему забинтованные пальцы. Игнис осторожно коснулся их, проверяя, не проступила ли кровь, а я смотрела на его склонённую голову и пыталась привыкнуть к мысли: даже эти непривычные руки принадлежат человеку, за которого я заплатила половиной оставшейся жизни.

Мысль об оставшихся годах кольнула меня, когда Игнис наклонился над повязкой. Я не знала, сколько их отдала, но сейчас не решилась отравить наш первый вечер этим подсчётом.

Когда сообщили, что экипаж подан, Игнис выпрямился.

— Постараюсь не задерживаться, — усмехнулся он.

Я проводила его взглядом до двери и даже не спросила, куда именно он собирается ехать. Впервые после похорон мне казалось, что самое страшное уже позади.

Глава 21. Другой поворот

Мне хотелось позвать его ещё раз, выпросить несколько минут, но я вспомнила матушку и промолчала.

После щелчка двери спальня показалась непривычно большой. Я ещё ощущала на плече его ладонь, а рядом на одеяле лежали мои забинтованные руки — единственное, что осталось от ночной борьбы за его жизнь.

Я собиралась послушаться Игниса и отдохнуть, однако за окном послышались шаги лошадей. От желания ещё раз увидеть его я не удержалась: откинула одеяло, осторожно спустила ноги на пол и поднялась, держась за спинку кровати. Колено немедленно напомнило о падении в коридоре.

Я переждала боль, добралась до окна и отодвинула край занавески. Внизу кучер придерживал дверцу экипажа, а Игнис, молодой и живой, в чужом теле, поднимался по ступеням. На мгновение я забыла, что смотрю на чужое лицо. Я видела только эту королевскую осанку настоящего герцога.

Да, даже в чужом теле он всё ещё оставался собой.

Но меня вдруг захватила другая мысль: «Муж сам садился в карету!»

Вчера его несли из дома в гробу, а сегодня он уезжал и обещал вернуться. Я прижала ладонь к стеклу и тихонько засмеялась, хотя по щекам снова потекли слёзы.

Карета тронулась и покатила к воротам. Я не отводила

глаз, пока ещё могла различать её на дороге. Уже за воротами кучер свернул не в ту сторону, куда обычно ехали к матушке Игниса.

Я недоумённо проводила экипаж взглядом, но искать в этом какой-то тайный смысл мне и в голову не пришло: он сам скажет кучеру, куда ему нужно. Главное, что матушка скоро узнает о его возвращении, а потом Игнис приедет домой.

Как странно было снова произносить про себя эти простые слова — «приедет домой» — и верить им.

Обратно до кровати я добралась с трудом. Пока шла, повязка на ладони задела оконную раму, и под бинтом резко защипало.

Я опустила глаза на руки, собираясь убедиться, что кровь не выступила снова, и вдруг вспомнила другие пальцы.

Молодые руки лакея, протянувшиеся к упавшему огоньку. Его встревоженное «Мадам! Вы уронили!» прозвучало в памяти так отчётливо, что я невольно оглянулась, будто он по-прежнему стоял рядом в коридоре.

Господи, а что же с ним произошло?

Он ведь всего лишь увидел упавшую вещь и наклонился поднять её для хозяйки. Я даже не успела узнать, как его зовут. Зато прекрасно помнила, как он рухнул на пол, когда душа Игниса исчезла у него в груди.

Теперь там жил мой муж. А где же находилась душа самого лакея? Неужели он умер из-за моей неосторожности?

Я села на край постели, прижав забинтованные пальцы к губам. Мне было стыдно, что я так долго не думала о нём. Я радовалась каждому вдоху Игниса, а о человеке, который оказался рядом в тот страшный миг, вспомнила только теперь, когда осталась одна.

Я не хотела отдавать счастье обратно. При мысли, что кто-нибудь предложит лишить Игниса этого тела, меня охватил почти детский ужас. Но и представить, что ради моего мужа погиб ни в чём не повинный человек, было невыносимо.

В груди под рёбрами вдруг отчётливо вспомнился холод прикосновения Смерти, когда он скреплял наш договор. Я закрыла глаза, пытаясь удержать в памяти лицо лакея таким, каким увидела его до падения, и позвала того единственного, кто мог знать ответ.

— Смерть, — прошептала я в пустую спальню. Голос ещё плохо слушался после ритуала, и мне пришлось повторить громче: — Смерть! Прошу вас, придите. Мне нужно спросить о человеке, который поднял душу моего мужа. Что вы с ним сделали? Где он теперь?

Глава 22. Цена чужой души

— Мне нужно узнать, что стало с душой человека, который всего лишь хотел мне помочь, — повторила я, когда в спальне стало совсем тихо. Сорванный голос едва слушался, и я прислушивалась к нему с такой же тревогой, с какой недавно прислушивалась к дыханию Игниса. — Вы слышите меня? Я ведь даже имени его не к своему стыду… не помню…

Я была уверена, что не придёт. Смерть же не приходит по пустякам? Но холод, который наполнил комнату, вдруг заставил меня бросить взгляд на закрытое окно, по которому барабанили капли дождя.

Ответ раздался справа, настолько близко, что я вздрогнула и ударила забинтованной ладонью о край кровати.

— Должен признаться, мадам, для женщины, которая несколько часов назад умоляла вернуть ей супруга, вы удивительно быстро нашли повод для новой беседы, — с усмешкой произнёс Смерть из кресла у окна.

Я опешила, не заметив, как он в нем появился.

Не было ни стука, ни шагов: серебристые волосы ложились поверх чёрного камзола, длинные ноги были вытянуты с той непринуждённостью, какую позволял бы себе только хозяин комнаты. В пальцах он держал небольшую книгу. Я успела заметить кожаный переплёт, прежде чем он закрыл

её и перевёл взгляд на меня.

— Вы… Как вы здесь оказались? — выговорила я, обернувшись к двери. Она оставалась закрытой. В коридоре тоже не слышалось ни звука.

Смерть отложил книгу на подлокотник с тем терпением, с каким отвечают на совершенно бессмысленный вопрос.

— Пришёл, мадам, — пояснил он. — В прошлый раз вы были недовольны тем, что я стоял не там, где нарисовано. Теперь, полагаю, я неправильно выбрал кресло?

Мне хотелось велеть ему убраться из спальни, в которой ещё недавно лежал мой живой муж, но я сама его позвала. К тому же Смерть разглядывал мои бинты, и я невольно спрятала руки под складкой одеяла. На ткани уже проступили небольшие розовые пятна: порезы снова открылись, пока я добиралась от окна до кровати.

— Я вас не для шуток звала, — сказала я, стараясь говорить разборчиво. — Расскажите, что произошло с лакеем. Это ведь я уронила душу. Он ничего плохого не сделал. Мне… мне важно знать, что случилось с бедным парнем…

Смерть неторопливо перевёл взгляд на мои пальцы и только после этого спросил:

— Как интересно. Мне казалось, что вы сейчас должны думать не о каком-то слуге, чьего имени даже не помните. Вы должны быть на седьмом небе от счастья от возвращения любимого супруга. Я помню, как горячо вы обещали любить своего супруга любым. Вам достался весьма симпатич-

ный молодой человек, даже если его ливрея оставляет желать лучшего.

Я почувствовала, как нагрелись щёки. Мне совсем не хотелось обсуждать с ним мужскую красоту, тем более что в чужом лице Игниса я пока не находила ничего, за что могла бы зацепиться взглядом. И всё-таки, вспомнив, как муж произнёс «Делли» и поцеловал мои забинтованные руки, я невольно улыбнулась.

— Он жив, — тихо ответила я. — Это главное. Просто… я думала, он откроет глаза в своём теле. А получилось, что другой человек… Он ведь умер, да? Тот лакей?

Глава 23. Цена милосердия

Смерть посмотрел на меня так, словно я пропустила очевидное место в разговоре.

— Его прежняя жизнь закончилась, когда душа вашего драгоценного супруга вытеснила его собственную, — произнёс он. — Вы собственными глазами видели, как это случилось. Надо отдать должное молодому человеку: редко кто помогает ближнему с такими последствиями для себя. Вот это я понимаю верный слуга.

От этих слов мне захотелось спрятать лицо. Лакей бежал по коридору, потому что я упала. Он наклонился ко мне и крикнул, что я что-то уронила.

Я помнила его протянутую ладонь гораздо лучше, чем лицо; её движение повторялось перед глазами всякий раз, когда я закрывала веки. Мы даже не успели познакомиться, а я уже отняла у него всё, ради чего сама была готова пожертвовать половиной жизни.

— Вы должны ему помочь, — попросила я, подавшись к краю кровати. Ноги оставались такими слабыми, что я не решилась встать. — Не мне, ему. Я ничего не прошу для себя. Пусть он родится снова. Пусть проживёт долгую жизнь, будет здоровым, счастливым… И богатым, если можно. Чтобы ему больше никогда не приходилось прислуживать таким безрассудным хозяйкам, как я.

Смерть слегка склонил голову. Казалось, он слушает не просьбу, а выбирает в ней особенно интересные слова.

— Вы уверены, что хотите распорядиться его счастьем за него? — спросил он. — Счастье, здоровье, богатство… Неплохой список. Только, насколько помню, в наш договор не входило заботиться о прислуге герцогского дома. Мы договаривались исключительно на вашего супруга.

Я слишком резко сжала край одеяла и поморщилась от боли, но всё-таки перебила его:

— Я знаю, что вы не обязаны! Но вы можете. Вы ведь можете сделать хоть что-нибудь? Его никто не спрашивал, хочет ли он умереть ради моего Игниса. Если бы сейчас кто-то забрал у меня Игниса, я бы… — У меня снова сдавило горло. — Я знаю, каково это — потерять человека. А он потерял даже собственную жизнь, и никто, кроме меня, не попросит за него.

Смерть выслушал меня, не перебивая. В его тёмных глазах не появилось жалости, но насмешка исчезла с губ, и от этого стало ещё труднее понять, что он думает.

— Вы удивительно милосердны, мадам Лиза. Особенно когда милосердие обходится вам совершенно бесплатно.

— Хорошо, что я должна заплатить за свою ошибку? — произнесла я, глядя на Смерть. — Говорите цену!

Он замер, глядя на меня пристально. Я не выдержала его взгляд и отвернулась в сторону.

— Вы действительно хотите заплатить за случившееся?

— спросил он.

— Да, — сглотнула я. — Считайте, что я своей неосторожностью погубила человека. Сколько я должна заплатить, чтобы бедному лакею дали счастливую жизнь. Вот и всё. Мне от этого никакой выгоды.

— Ну как же? А совесть? — усмехнулся Смерть. — Все выгоды получит ваша совесть. Если вдруг вам удастся договориться со мной, то она будет чиста. Или почти чиста. Так, останется маленькое пятнышко.

Я снова покраснела, словно меня поймали на лжи.

— Но вы понимаете, что это получилось так нелепо и глупо! — возразила я. — Я не нарочно. Просто силы в какой-то момент покинули меня. И если можно, то я бы хотела попросить за него. Вы можете отказать. Но от этого ведь ничего не изменится. Он всё равно пострадал из-за меня. И мне с этим жить.

— Ха, — рассмеялся Смерть. — Как это мило! Просьба — это лучший способ переложить проблему с одной совести на другую.

Глава 24. Книга без названия

Он смотрел на меня, а я молчала.

Наконец Смерть взял книгу с подлокотника, устроился глубже в кресле, будто счёл дело решённым, и открыл её.

Ещё минуту назад он с удовольствием рассуждал о том, что просьба за лакея принесёт пользу прежде всего моей совести, а теперь перелистывал страницы так невозмутимо, словно я уже перестала его занимать.

Я сидела на постели, чувствуя, как под бинтами саднят порезы. Хотелось потребовать ответа, но я боялась, что он снова заведёт разговор о цене, которую я уже однажды согласилась заплатить.

За окном дождь стучал по стеклу, а между ударами капель слышался сухой шорох страниц. Смерть задержался на одной, пробежал глазами написанное, перечитал несколько строк, и выражение его лица изменилось. Мне показалось, что он сильно удивлён, однако он лишь внимательнее склонился над книгой.

Я невольно вытянула шею, пытаясь разглядеть, что его заинтересовало.

Сидеть прямо после бессонной ночи было трудно, спина ныла, и я подперла себя локтем, осторожно обходя повреждённую ладонь.

Он держал переплёт под таким углом, что я могла разли-

чить лишь движение его пальцев. Отчего-то это злило сильнее, чем прежние насмешки: на мою просьбу о душе лакея он не ответил, зато нашёл время для чтения. И всё же я продолжала следить за его руками, потому что мне хотелось понять, какая история способна заставить Смерть забыть о собственных колкостях.

Книга оказалась совсем небольшой, в тёмном кожаном переплёте, с чуть потёртыми уголками. Когда Смерть повернул её, мне удалось увидеть обложку: ни названия, ни имени автора. Вообще ничего.

Странно, что он так внимательно читал вещь, на которой даже не потрудились написать, о чём она. Впрочем, спрашивать у Смерти о литературных пристрастиях, когда меня интересовала судьба погибшего лакея, тоже казалось странным. Но молчание затягивалось, и я не выдержала.

— А что это у вас за книга? — спросила я, воспользовавшись тем, что он перестал надо мной издеваться.

Смерть медленно поднял глаза. Он посмотрел на меня, затем на раскрытые страницы и с некоторой неохотой захлопнул книгу, оставив большой палец между листами. Я пожалела о вопросе: у него был вид человека, которому помешали дочитать самое интересное место.

— Это книга вашей жизни, мадам Лиза, — ответил он, держа книгу так свободно, будто речь шла об обыкновенном сборнике рассказов.

Глава 25. Сколько осталось?

Я услышала каждое слово, но смысл не складывался. Представить, что вся моя жизнь каким-то образом оказалась внутри её переплёта, было непросто.

— Моя… что? — переспросила я и, забыв о порезах, стиснула пальцами край одеяла. Боль заставила ослабить хватку, но я продолжала смотреть на книгу.

— Жизнь, — терпеливо повторил Смерть, поудобнее устраивая её на колене. — Весьма занимательное произведение, должен признаться. Хотя некоторые сюжетные решения главной героини вызывают у меня серьёзные вопросы.

Он произнёс «главной героини» так, словно обсуждал постороннюю даму, чей дурной вкус испортил ему вечер.

Если там действительно была моя жизнь, значит, на этих страницах описана та поездка с заказом, после которой Лиза Воробьёва больше не вернулась домой? И то, как я оказалась Аделлой?

Ведь в теле Аделлы я оказалась ещё до свадьбы с Игнисом. Замуж за него выходила уже я, и все годы нашего брака были моей собственной жизнью, а не чужими воспоминаниями.

Свадьба с Игнисом, ночной крик возле холодного мужа, гроб, который я не давала закрыть, а потом ритуал, оставивший мне окровавленные руки?

Я вдруг почувствовала себя ужасно неловко: он прочитал

всё это и спокойно сидел напротив, оценивая мои решения, словно я совершала их исключительно для его развлечения.

Но сильнее всего испугало другое. Книга была не такой уж тонкой, однако и толстой её не назовёшь.

Я невольно прикинула, сколько страниц успела бы перелистнуть за несколько минут, и тут же вспомнила, как он забрал у меня половину оставшейся жизни. Мне ведь так и не сказали, сколько её осталось. Двадцать лет? Один год? А если здесь уже были записаны все мои прожитые дни и место для следующих почти закончилось?

У меня стало тесно в груди, и я осторожно разогнула пальцы под бинтами, не понимая, отчего они онемели.

Я смотрела на корешок с таким напряжением, будто по его толщине могла узнать дату собственной смерти.

Смерть проследил за моим взглядом. На его лице появилась улыбка, от которой я поняла, что вопрос, даже не произнесённый вслух, он уже угадал.

— Не стоит делать преждевременные выводы о длине жизни по количеству страниц, мадам Лиза. Есть люди, которые прожили долгую жизнь, а их книга совсем тоненькая. Нищая на события. Скучная. Дом, работа, женился, родился ребенок, смерть. Рутина, одним словом. Из главы в главу одно и то же, — произнёс он, и последнее слово прозвучало с таким искренним отвращением, что я невольно подняла на него глаза.

Я представила, как он листает чужую счастливую ста-

рость, морщится от скуки и откладывает её в сторону. А мне бы сейчас такая жизнь показалась бесценной: прожить рядом с Игнисом много лет, состариться, успеть сделать всё, о чём мы мечтали, и ни разу больше не умолять вернуть его из мёртвых.

— А бывают и короткие жизни, — продолжил Смерть, задумчиво поглаживая переплёт кончиками пальцев. — Но какие! Столько событий, столько неожиданных поворотов! Не успеешь оглянуться, а уже целый роман. И ни одной лишней страницы. Читаешь, и аж дух захватывает.

Он говорил с неподдельным удовольствием, словно советовал мне выбрать хорошую книгу для вечернего чтения.

Я же не могла перестать смотреть на его ладонь, легко удерживавшую мою жизнь. Судя по выражению лица, она ему нравилась. В груди неприятно потянуло, когда я вспомнила его прежнюю усмешку во время сделки.

Он отказался назвать мой срок и теперь снова предоставлял мне гадать, даже не скрывая, что эта неизвестность его забавляет.

— Значит, моя жизнь может быть короткой? — спросила я, заставив себя встретить его взгляд.

Глава 26. Автор собственной жизни

Мне хотелось услышать возражение, пусть даже насмешливое, но Смерть не спешил отвечать.

Он неторопливо провёл ладонью по переплёту, а мне хотелось отобрать книгу и посмотреть, где заканчивается написанное. Невыносимо было сидеть так близко к ответу и понимать, что он принадлежит другому.

— Может, — охотно согласился Смерть, чуть приподняв книгу. — Как и длинной. Уверяю, мадам, одно другому совершенно не мешает.

Я даже не могла понять, сколько мне позволено бояться: если до сделки оставался год, теперь мне досталось только полгода. И то время уже шло, пока я сидела здесь и разговаривала с ним. От досады и страха у меня перехватило дыхание.

— Вы издеваетесь?! — вырвалось у меня. Я даже наклонилась вперёд, собираясь встать и отобрать эту проклятую книгу, но ушибленное колено болезненно отозвалось, и я осталась на краю постели.

Смерть не пошевелился. По его виду можно было подумать, что именно я без всякой причины испортила серьёзный разговор.

— Нет, я говорю о литературе, — заметил он, коснувшись ногтем края переплёта. — Это вы почему-то всё время пы-

таетесь перевести разговор на собственную смерть.

От возмущения я едва не задохнулась. Он сидел в моей спальне с книгой моей жизни в руках и укорял меня за то, что я интересовалась её окончанием. Я подняла забинтованную ладонь. На повязке всё ещё проступало пятно крови, которое Игнис пытался остановить, прежде чем уехать к матери.

— Потому что я отдала вам половину своей жизни! — напомнила я, не стараясь больше понизить голос. — Мне кажется, после этого я имею право хотя бы беспокоиться о том, сколько её осталось!

Я замолчала, увидев, что он продолжает удерживать книгу одной рукой и даже не собирается защищаться. Мне пришлось напомнить себе, что я разговариваю не с обычным наглым гостем: передо мной сидело самое могущественное существо из всех, что можно представить.

— Помню, мадам. Я присутствовал при заключении договора, — произнёс Смерть с такой безупречной невозмутимостью, что мне захотелось швырнуть в него подушкой. Он снова открыл книгу, словно счёл моё возмущение исчерпанным, и принялся разыскивать место, на котором остановился.

Я следила за движением его пальцев. Меня вдруг поразило, что он перелистывает мою жизнь, как любую другую книгу, и при этом знает куда больше, чем я сама.

Он говорил о поступках, решениях, неожиданных поворотах, будто все они уже существовали на бумаге. Но если

всё было написано заранее, за что тогда мне отвечать? За смерть Игниса, за роковую ошибку с душой лакея, за собственное согласие на ужасную сделку? Я не могла отвести глаз от страниц.

— И кто же пишет её? — спросила я, прежде чем он успел окончательно углубиться в чтение. Вопрос вырвался почти сердито: мне хотелось хотя бы понять, кому принадлежит право рассказывать обо мне то, чего я сама ещё не знала.

Смерть приподнял бровь и посмотрел на меня поверх книги, будто не ожидал, что я всерьёз затруднюсь с ответом.

— Вы сами, разумеется, — произнёс он с раздражающей уверенностью.

Глава 27. Неизвестный финал

Я растерянно посмотрела на свои забинтованные руки. Они ещё дрожали после ритуала, а пальцы распухли настолько, что не хотелось даже брать чашку, не то что перо. Я никогда не садилась записывать собственную жизнь, и от этого простого несоответствия стало досадно.

— Но я ничего не пишу! — возразила я, показывая ему ладони. — Вы же видите, в каком они состоянии. Когда бы я успела?

Я ожидала, что он укажет на мою ошибку или продемонстрирует какое-нибудь чудо, но Смерть лишь бросил короткий взгляд на бинты. Чудес после ритуала мне было достаточно; хотелось простого ответа на простой вопрос.

— Ошибаетесь, — ответил Смерть, небрежно перевернув страницу. — Вы пишете её каждый день. Каждым решением. Каждым поступком. Иногда даже бездействием. А потом удивляетесь, что история получилась совсем не такой, какую вы хотели. Но я вас утешу. Мало кому нравится собственная история. Все любят жаловаться, но мало кто решается что-нибудь изменить. А последнюю точку, разумеется, ставлю я.

Я хотела немедленно возразить, но не нашла подходящих слов.

Я ведь действительно сама решила открыть чёрную шкатулку с ритуалом. Сама согласилась отдать половину остав-

шейся жизни. И сама не сумела удержать душу Игниса, хотя меня предупредили, что никто другой не должен к ней прикасаться.

Мне стало мучительно стыдно за лакея, из-за которого я и позвала Смерть, но не меньше хотелось спросить, как же можно считать всё произошедшее удачно написанной историей. Я любила Игниса и пыталась его спасти. Разве это было плохим решением?

Смерть перечитал следующую строчку и негромко рассмеялся. От его смеха мне сделалось особенно неуютно: ещё недавно я рыдала над гробом мужа, а теперь кто-то мог находить в этом удовольствие. Не успела я спросить, что его развеселило, как он сам заговорил, не отрывая взгляда от страницы:

— Впрочем, должен признать, мадам Лиза, последние главы у вас получились превосходные. Именно они меня и заинтересовали. Иначе бы я прошел мимо вашего отчаянного крика о помощи, когда вы очередной раз перечерчивали круг собственной кровью.

Я почувствовала, как лицо обожгло злостью. Он произнёс это почти восхищённо, а у меня за двумя прошедшими днями стояли крики, бессонница, холодная кожа Игниса и руки людей, отрывавших меня от гроба. Как можно хвалить человека за такое?

Я вцепилась в край одеяла и не выдержала:

— Я похоронила мужа! — выкрикнула я, даже не заметив,

как снова сорвала и без того измученное ритуалом горло.

Смерть наконец оторвался от книги. Он посмотрел на меня так, словно я не опровергла, а лишь блестяще подтвердила его оценку.

— Именно. А потом воскресили, — напомнил он с едва заметной улыбкой. — Согласитесь, не самое заурядное продолжение. Но дальше будет ещё интереснее.

Ему не нужно было оправдываться, ведь он не считал себя виноватым ни в моей боли, ни в собственном удовольствии от её описания. Он держал книгу открытой, спокойно дожидаясь, пока я перестану спорить, и, похоже, был совершенно доволен нашим разговором.

— Поверьте, не каждая книга способна меня заинтересовать, — заметил Смерть, захлопнув её и проведя ладонью по обложке. — Но ваша — это нечто.

— Хватит! — закричала я, глядя на то, как он гладит обложку. — Вы говорите загадками. И не понимаете, как сильно они меня мучают!

— Ладно, не надо так кричать. Ваша книга ещё не дописана. Я ещё не поставил в ней точку. Но, судя по тому, что я уже вижу, книга особенная, — внезапно произнёс Смерть. — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои литературные предпочтения. Обычно я могу угадать финал любой книги с лёгкостью. Я тысячи раз так делал. Но есть кое-что, что смущает даже меня.

Глава 28. Читайте газеты, мадам

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

— Ну что ж, мадам. Вынужден признать, вы меня удивили. Вторую цену я с вас сегодня брать не стану. Впрочем, не благодарите. А чтобы совесть была чиста, читайте газеты, мадам.

Я растерянно взглянула на книгу возле его локтя, не находя связи между газетами и погибшим человеком. Наконец возмущение пересилило растерянность, и я спросила:

— Какие ещё газеты? Я говорю вам о живом человеке!

Смерть уловил моё возмущение и с отчётливым удовольствием поправил:

— Увы, живым его пока вряд ли назовешь. Вам бы следовало внимательнее выбирать слова, прежде чем требовать от меня невозможного. Сейчас мы говорим не о живом человеке, а о его душе.

Я долго смотрела на него, пытаясь разобраться в этой странной игре слов. Затем поняла, что он нарочно выделил слово «живому», и невольно прижала обе ладони к груди. Бинты мешали, неловко впились в кожу, но я почти не почувствовала боли.

— О душе? — спросила я, боясь слишком обрадоваться. — Вы хотите сказать, его душа не пропала? Где он? Что с ним стало?

Смерть постучал пальцами по закрытой книге у себя на коленях, но открывать её не стал; похоже, разговор начинал ему нравиться всё больше.

— Мадам, не заставляйте меня пересказывать всё интересное заранее. В утренних газетах иногда встречаются совершенно замечательные новости. Для разнообразия прочтите что-нибудь помимо заклинаний, которые вы произносите с такими ошибками, что я появляюсь рядом на всякий случай, — предложил он, глядя на мои испачканные кровью бинты.

Он не сообщил больше ничего. Я хотела возмутиться, однако теперь мне было за что держаться. Я хотя бы попросила. Не промолчала.

Что бы ни значили странные слова Смерти, он явно на что-то намекал. Мне отчаянно хотелось знать, в каком мире и в каком теле оказался бедняга, но после нескольких часов страха за Игниса даже такой ответ принёс облегчение. Я выдохнула и обнаружила, что всё это время сидела, напряжённо подняв плечи.

— Спасибо, — произнесла я неохотно. — За него.

Смерть чуть повернул голову, словно оценивал степень моей неблагодарности.

— Вижу, вас что-то смущает кроме души бедного лакея, — сухо отозвался он и, задержав на мне взгляд, неожиданно спросил: — А как чувствует себя супруг? Надеюсь, вы счастливы?

Мне вспомнилось, как Игнис стоял перед зеркалом, прикладывая ладони к чужим щекам. Как потом промывал мои порезы, называл Делли и просил отдохнуть. Я невольно погладила бинт большим пальцем и ответила с улыбкой, которую уже не смогла удержать:

— Он чувствует себя лучше. По крайней мере, настолько, чтобы ехать к матушке и успокоить её. Ей сообщили о похоронах, представляете? Сейчас она узнает, что сын жив. Мне только жаль, что он так мучается из-за чужого лица. И я хотела спросить. Неужели нельзя что-то сделать…

— Сделать что? — с усмешкой спросил Смерть. — Или вы хотите сказать, что любили его лишь за то, что он двухметровый красавец-дракон?

— Нет! Меня его лицо ничуть не смущает! — вспылила я и тут же осеклась, вспоминая, как Игнис рассматривал себя в зеркале. — Оно смущает его. И я не знаю, сможет ли он привыкнуть к нему. Или нет.

Смерть прижал ладонь к закрытой книге, затем посмотрел на меня с выражением, какого я прежде у него не замечала: не насмешливым и не сочувственным, а почти недоверчивым.

— Давайте посмотрим, что не так с лицом вашего супруга, — произнёс Смерть, бросив на меня короткий странный взгляд. — Признаться, теперь мне и самому любопытно взглянуть на вашего воскресшего герцога.

Глава 29. Не к матушке

Я испугалась, что он собирается потребовать новую плату, и невольно отодвинула забинтованные руки.

— Зачем? — спросила я настороженно. — Я просто поделилась своими мыслями. Может… Кто-то до меня уже так делал… И, быть может, вы сможете дать совет, как помочь ему примириться с новой внешностью… Ещё раз говорю. Меня она не смущает. Она смущает его.

Смерть встал с кресла, и я невольно проследила за его руками, опасаясь нового прикосновения. Он двигался беззвучно, а мне снова вспомнилось, как легко переступил кровавую черту ритуального круга.

— Давайте посмотрим, насколько всё плохо, — усмехнулся Смерть.

Пока я думала о том, что им движет, Смерть подошёл к большому зеркалу возле шкафа. Он коснулся рамы, и отражение моей спальни дрогнуло, словно кто-то провёл пальцем по воде. Вместо кровати и занавесок в глубине стекла проступила тёмная улица. Я различила остановившийся экипаж, а затем молодого мужчину в ливрее. Он стоял перед незнакомым домом, решительно поправляя воротник.

— Игнис! — обрадовалась я, узнав его.

Смерть выдержал мою радость с тем же невозмутимым лицом.

— Да, мадам, — сухо заметил он. — Ну что ж, давайте присмотримся к нашему лакею. Хм… Ну, слушайте, всё могло быть гораздо хуже. Сомневаюсь, что ваш муж обрадовался бы, очнувшись в теле дряхлого дворецкого.

Приглядевшись, я заметила, что дом не похож на тот, куда обычно ездили к матушке. Поначалу я решила, что Игнис просто остановился по дороге: ведь после всего пережитого он мог захотеть привести себя в порядок, прежде чем предстать перед матерью.

Но зачем тогда он поднимался на крыльцо?

Я подтянула ноги ближе к кровати и вгляделась в видение. Слышала даже его шаги — тихие, быстрые, совершенно настоящие, — хотя понимала, что между нами теперь немалое расстояние.

— Он довольно молод, симпатичен. У него полный комплект зубов, — усмехнулся Смерть. — Оба глаза. Что немаловажно! Он энергичен и полон сил. Я бы на его месте не жаловался. Как мужчина он ещё очень даже состоятелен.

Я слышала, что говорил Смерть, но при этом смотрела на Игниса, который постучал в дверь. Первой мыслью было, что его матушка поехала к каким-нибудь дальним родственникам или друзьям. И сейчас в тихой уютной гостиной она мнет свой кружевной платок, рассказывая о том, каким замечательным был её сын.

А её дворецкий просто направил Игниса сюда. Я уже представила, как три старые дамы утешают друг друга, пока

горничная со вздохом доливает им чай, как вдруг на пороге появилась красивая женщина, я растерялась настолько, что перестала замечать боль в пальцах. Она смотрела на молодого лакея с недоумением, даже не пытаясь скрыть досаду от позднего визита.

Я никогда не видела её раньше.

— Мне нужно поговорить с тобой, Анаид, — произнёс он, придерживая дверь ладонью, когда женщина попыталась её закрыть. — Послушай меня. Это важно. Не закрывай двери.

Глава 30. Узнай меня

Я почувствовала, как холодеет затылок. Имя мне ничего не объясняло, но тон Игниса заставил податься ближе к зеркалу. Свою новую жизнь он начал с того, что назвал меня «Делли». Здесь он произнёс чужое имя так, словно имел право являться среди ночи и требовать, чтобы его выслушали.

— Как видите, ваш супруг отлично выглядит, — заметил Смерть. — И даже поднялся по ступеням без отдышки! Так что не ему жаловаться!

Он поднял руку, чтобы смахнуть видение, но я взмолилась:

— Нет… Подождите. Не убирайте, пожалуйста.

Смерть посмотрел на меня, потом на зеркало. Его лицо в серебристом отблеске стекла казалось особенно спокойным.

— Как пожелаете, мадам, — произнёс он и отошёл, оставляя мне весь обзор.

Женщина на крыльце отступила, прижав руку к вороту домашнего платья. Игнис попытался шагнуть следом, но она преградила ему дорогу. По её лицу было видно, что она не узнаёт его и боится впустить незнакомого слугу.

— Я не понимаю, кто вас прислал, — произнесла она с раздражением. Её глаза были красными и припухшими от слез. — Говорите что вам нужно и уходите.

Игнис схватил её за запястье, но, заметив, как она помор-

щилась, отпустил и заговорил торопливее:

— Анаид, да посмотри ты на меня! Это я, Игнис. Я понимаю, что выгляжу иначе, но это действительно я. Я всё тебе объясню, только выслушай.

У меня заложило уши.

Я сдвинулась к краю постели, хотя до зеркала всё равно не могла дотянуться. Мне хотелось услышать, что он скажет дальше, и одновременно закрыть ладонями лицо.

Он назвал себя Игнисом перед женщиной, с которой говорил на «ты», которой позволял задерживать его на пороге, как человека близкого. Возможно, она была знакомой семьи.

Возможно, он пришёл по делу, о котором не успел рассказать. В нашем доме происходило столько неожиданного, что я ещё пыталась найти объяснение, не имеющее отношения к нам двоим.

— Герцог Рейсберг умер, — с явным испугом произнесла Анаид. — Я слышала о похоронах. Вы либо сошли с ума, либо решили подшутить надо мной. Немедленно уходите! Вы… вы мошенник!

Игнис подался к ней всем телом, забыв о гордой осанке, с которой всегда появлялся перед слугами и знакомыми. Голос его стал ниже, настойчивее, и я почему-то особенно отчётливо вспомнила, как совсем недавно он объяснял, что чужими губами не может поцеловать собственную жену.

— Анаид, никто посторонний не знает того, что знаем мы с тобой, — заговорил Игнис тише, будто боялся, что их услы-

шат. — Ты всегда снимала серьги, прежде чем позволить мне тебя поцеловать. Говорила, они цепляются за волосы, когда я обнимаю тебя за шею. Вспомни. Ну посмотри на меня теперь… Ты всё ещё думаешь, что я посторонний?

Женщина перестала сопротивляться.

Он склонился к её уху и начал что-то шептать. Я видела, как глаза красавицы расширяются от удивления. И как румянец заливает её лицо.

Её рука медленно опустилась, а я вдруг обнаружила, что вцепилась зубами в край бинта на запястье. Ткань стала влажной от слюны, но разжать зубы я не могла. Перед глазами стоял Игнис, который только что вернулся из мёртвых и вспомнил подробности чужих поцелуев раньше, чем научился смотреть на собственное лицо.

— Игнис?.. — прошептала Анаид, делая шаг навстречу. Она коснулась его щеки, провела пальцами вдоль подбородка, затем вцепилась в отвороты ливреи. — Боже мой… Это правда ты?

— Да! Это я. Можешь проверить. Можешь задать мне любой вопрос. И я на него отвечу, — произнёс Игнис, глядя на женщину.

— Что ты подарил мне тайно на балу? — спросила она, сощурив глаза.

— Я подарил тебе брошку в виде жука, усыпанную бриллиантами. Незаметно приколол её между складок твоего платья. И прошептал, чтобы ты посмотрела дома. Пусть это

будет сюрпризом.

Глава 31. Чужие губы

Анаид замолчала, словно задумалась.

— Верно, — прошептала она. — Об этом секрете не знал никто. Даже моя горничная. Значит… Значит, это ты?

Он притянул её к себе. Я видела, как охотно Анаид поднялась на носки и обхватила его шею, и ещё пыталась объяснить себе, что сейчас последует что-нибудь совершенно невинное: благодарность за чудесное спасение, объятие людей, не веривших друг другу. Но Игнис опустил голову и поцеловал её в губы. Сам, без просьбы, без тени той неловкости, с которой несколько минут назад касался губами моего лба. Анаид ответила ему сразу, прижавшись ещё теснее.

Я не закричала. У меня вдруг пересохло во рту так сильно, что я не могла сглотнуть. Хотелось позвать мужа по имени, заставить обернуться, спросить, помнит ли он, как просил меня дать ему время привыкнуть к чужому телу.

Я ведь согласилась. Я даже извинилась за то, что ждала поцелуя от человека, которого сама же воскресила. Теперь его чужие губы ничуть не мешали ему целовать Анаид.

— О, боги! — удалось мне выговорить, но я тут же схватилась за край кровати. В видении Анаид отстранилась от Игниса, и мне стало необходимо досмотреть. — Нет. Не убирайте. Пожалуйста.

Смерть ничего не ответил. Он стоял рядом с зеркалом, и

я не видела его лица: мне было страшно отвести взгляд и пропустить хоть одно слово.

— Но как это возможно? — Анаид всё ещё держала Игниса за ворот ливреи, рассматривая его с растерянной нежностью. — Почему ты в этом теле? Где твоя магия? И что это за одежда? Почему на тебе ливрея лакея?

Игнис попытался обнять её снова, словно желал отложить любой разговор, который отвлекал от желанной встречи.

— Так получилось… Моя душа вселилась в тело лакея. Но разве это сейчас важно? — пробормотал он, придвигаясь ближе. — Главное, я здесь. Живой.

Анаид не ответила. Она отодвинулась так, чтобы рассмотреть его целиком, от чужого лица до простых сапог, и я впервые увидела в её взгляде не изумление, а тревожный расчёт.

— Эм… Погоди, — сказала она, удерживая его на расстоянии вытянутых рук. — Значит, ты в теле лакея? То есть, ты … ты больше не дракон?

Она смотрела на него так, как смотрят на чужого слугу, который облизывает тебя взглядом.

— Раз ты в теле лакея, то ты, получается, лакей? А состояние? Дом? Деньги? — насторожилась Анаид.

— Да какая разница, в чьём теле я ожил! — вспылил Игнис.

— Большая! — произнесла Анаид. — Герцог умер. Об этом писали все газеты. Для всех твоя жена теперь вдова и наследница. И если ты в теле лакея, ты… ты не можешь рас-

поряжаться состоянием! Ты слуга! Ты даже не аристократ! Пока твою личность не признают, у тебя нет прав на имущество герцога Рейсберга!

Игнис нахмурился. Ему явно не понравилось, что после объятий разговор свернул к имуществу, но отвечать пришлось.

— Да, это всё пока принадлежит Аделле, — резко сказал он. — Но я докажу, кто я. Родовая магия, титул — всё верну. Ты же не думаешь, что я навсегда останусь лакеем?

Глава 32. Любовница лакея

Я слушала и вдруг почувствовала, как повязки на руках мешают сжать кулаки. Игнис говорил о моём доме, о моих деньгах, о возвращении прежнего положения, а ведь только что эти руки промывали мне раны, и я улыбалась, радуясь его заботе. Мне вспомнилось, как я велела подать ему экипаж. Слова «куда он укажет» прозвучали в памяти моим собственным голосом. Я сама открыла ему дорогу сюда.

— Когда вернёшь, тогда и поговорим, — произнесла Анаид, отнимая руки от его груди. — Ты пойми, Игнис, я не могу сейчас принять тебя. Ты даже не похож на себя. Что я должна всем говорить? Одно дело быть любовницей герцога. И совсем другое дело спать с… эм… с чужим лакеем. Это именно так будет выглядеть в глазах общества! У тебя нет ни земель, ни титула, ни имени.

Он схватил её за руку прежде, чем она успела отойти.

— Ты же поверила мне! — Голос мужа сорвался от унижения, и я никогда прежде не слышала в нём такой просьбы. — Ты только что целовала меня. Анаид, неужели всё, что между нами было, исчезло вместе с моим титулом?

Женщина медленно высвободила запястье. Ни жалости, ни растерянности в её лице уже не осталось; она смотрела на красивого молодого лакея с таким досадливым выражением, словно он потребовал от неё невозможного.

— Не делай из меня последнюю тварь, пожалуйста, — ответила она. — Я любила тебя таким, каким знала. А теперь ты просишь, чтобы я связала свою жизнь с человеком, у которого ничего нет. Даже собственного имени. Ты же понимаешь, как это будет выглядеть со стороны? Вчерашняя любовница герцога стала любовницей простого лакея.

Игнис всё ещё стоял на её пороге. Я видела, как он открывает рот и снова закрывает, не находя слов, которыми мог бы удержать её, и не могла оторваться от этого зрелища. Совсем недавно я говорила Смерти, что буду любить своего мужа любым. Теперь передо мной стояла женщина, ради которой муж забыл дорогу к матери, и она отказывалась принять его, узнав, чего он лишился.

— Анаид, подожди, — выдохнул Игнис, снова пытаясь приблизиться. — Я верну всё. Только дай мне немного времени.

Она отступила в дом и взялась за дверную ручку. Игнис потянулся к ней, но она покачала головой с такой холодной решимостью, что он остановился.

— Когда снова станешь герцогом Рейсбергом, тогда и приходи, — сказала Анаид и закрыла дверь перед его лицом.

В зеркале остался Игнис в чужой ливрее. Некоторое время он смотрел на закрытую дверь, потом медленно опустил руку. Я сидела на постели, не чувствуя ног, и вдруг вспомнила, как сама несколько минут назад смотрела на его уходящий экипаж из окна спальни и плакала от счастья.

Я думала, он везёт моей свекрови весть о чудесном возвращении сына. А он торопился к женщине, которой оказался не нужен живым, если не мог предложить ей богатство.

— Я ведь дала ему карету, — услышала я собственный голос. Он был таким тихим, что, наверное, до двери бы не долетел. — Сама велела отвезти его, куда скажет…

Смерть оставался возле зеркала. Он не протянул руки, не попытался меня утешить, и это было почти милосердием: я не выдержала бы сейчас чужого прикосновения. Я смотрела, как Игнис наконец поворачивается от двери Анаид к улице, и ждала, что он хотя бы теперь отправится к матери.

Он направился к экипажу, который я приказала подать ему сама, наклонился к кучеру и указал рукой в сторону моего дома. Я услышала его голос так же отчётливо, как слышала несколько минут назад, когда он обещал поскорее вернуться.

— В особняк Рейсбергов. К герцогине, — распорядился Игнис и, не оглянувшись на дом Анаид, поднялся в карету.

Он ещё не знал, что дома его ждёт совсем не прежняя Аделла.

Глава 33. Когда он вернётся

— Смотрите, как удачно всё получается, — заметил Смерть. — Теперь, когда его любовница отвергла его, он всецело ваш. Думаю, что такое развитие событий куда лучше повлияет на вашу семейную жизнь. Никаких внезапных отъездов, никаких тайн, никаких измен.

Я ничего ему не ответила. После увиденного даже собственные мысли с трудом складывались в слова. Мне казалось, что я должна плакать, но вместо этого я сидела неподвижно, уставившись в тёмный угол зеркала.

— Я, между прочим, пытаюсь вас утешить, — усмехнулся Смерть.

— У вас плохо получается, — хрипло произнесла я, чувствуя, как слезы горьким комом встали в горле.

Смерть ничуть не обиделся.

Напротив, на его лице появилось выражение снисходительного удовольствия, словно моя боль была всего лишь досадным обстоятельством, которое никак не мешало ему наслаждаться происходящим.

Я отвернулась, не желая больше видеть эту улыбку. Мне хотелось остаться одной, забраться под одеяло с головой и наконец разрыдаться, но слёз почему-то не было. Я сидела, сжимая забинтованные руки, и всё никак не могла поверить, что совсем недавно этими самыми руками держала душу че-

ловека, который теперь целовал другую женщину.

А ведь Игнис говорил, что ему противно даже смотреть на собственное отражение! Я ещё извинялась перед ним за то, что попросила поцеловать меня. Чувствовала себя эгоисткой, которая требует нежности от несчастного мужчины, вернувшегося с того света. И так старательно убеждала его, что люблю любым, что принимала за взаимность даже привычное «люблю», не замечая, как настойчиво он избегал моего поцелуя.

От этой мысли стало совсем невыносимо. Я опустила голову, разглядывая бинты, которые Игнис собственноручно наложил перед отъездом. Как заботливо он промывал мне раны! Как осторожно придерживал пальцы, чтобы не причинить боли! А потом взял карету, которую я для него приготовила, и поехал к любовнице.

— Между прочим, мадам, — неожиданно произнёс Смерть, заставив меня вздрогнуть, — ваш супруг уже едет обратно. Полагаю, сейчас вас ожидает весьма занимательное продолжение.

Он стоял возле зеркала, в котором всё ещё виднелась ночная улица.

Я невольно посмотрела туда и увидела знакомый экипаж. Лошади торопливо бежали по мокрой мостовой, а за закрытыми занавесками кареты находился мой муж. Человек, которому я собиралась подарить всю оставшуюся жизнь, даже не подозревая, что у него уже есть другая женщина.

Как я посмотрю ему в глаза? Что скажу, когда он войдёт в спальню? Он ведь обещал вернуться поскорее, а я обещала ждать. И теперь, наверное, должен был обрадоваться, увидев, что я не сплю.

Подойти, спросить, как я себя чувствую, поинтересоваться, не болят ли руки… Может быть, даже снова поцеловать меня в лоб.

Я представила это с такой отчётливостью, что меня замутило. Ещё недавно я сама тянулась к нему за поцелуем, а теперь боялась даже представить, как он прикоснётся ко мне после Анаид.

— Какое ещё продолжение?! — спросила я, поднимая глаза на Смерть. Голос прозвучал резко, почти сердито. — Что ещё может произойти? Разве недостаточно того, что я уже увидела?

Мне хотелось, чтобы он наконец перестал улыбаться. Чтобы хотя бы на мгновение понял, что перед ним не героиня занимательной книжки, а женщина, которая только что узнала об измене любимого мужа.

Но Смерть лишь неторопливо повернулся от зеркала, словно ожидал именно такого вопроса.

— Вероятно, вам предстоит выяснить, насколько хорошо ваш супруг умеет лгать, — заметил он с таким спокойствием, будто только что сообщил мне о перемене погоды.

Глава 34. Мне это приснилось?

— Что ж, мадам Лиза, полагаю, на сегодня моя роль в вашей истории закончена, — заметил Смерть, с явным удовольствием наблюдая за моим лицом. — Не буду мешать вам писать следующую главу. Всего доброго.

Он слегка поклонился, прижав ладонь к груди, и начал исчезать. Сначала растворилась фигура, затем лицо, но улыбка почему-то задержалась чуть дольше, словно её обладателю доставляло особенное удовольствие оставлять меня наедине с последствиями собственного любопытства.

Я смотрела на опустевшее кресло возле окна, чувствуя себя так, будто меня только что обобрали.

Причём самым жестоким образом: отняли не драгоценности, не деньги, а что-то такое, без чего теперь невозможно было представить собственную жизнь.

Плакать хотелось ужасно, но слёз не было. Я даже попробовала всхлипнуть, как будто вместе со слезами из меня могла выйти хотя бы часть этой невыносимой боли.

Вместо этого грудь судорожно сжалась, и мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы справиться с дурнотой.

Я отдала половину оставшейся жизни ради мужчины, который первым делом побежал к любовнице.

Господи, а ведь Смерть предупреждал меня! Предлагал

отказаться от сделки, говорил, что перед молодой богатой вдовой открывается столько возможностей. Я тогда едва не возненавидела его за эти слова.

Я обещала Смерти принять Игниса любым. Теперь, сидя перед опустевшим креслом, впервые подумала об этом обещании без прежней гордости: чужое лицо мужа я сумела принять, но его поступок никак не удавалось совместить с человеком, которого я похоронила.

Даже когда он очнулся в чужом теле, я обнимала его, целовала чужие руки и радовалась, что он снова дышит. А когда он отказался поцеловать меня в губы, я извинилась. Я просила поцелуй. И стыдилась собственной просьбы, которая после его слов казалась жутко неуместной.

Оказалось, для Анаид никаких подобных затруднений не существовало.

Я невольно посмотрела на собственные ладони. Под бинтами, которые заботливо наложил Игнис, саднили порезы. Неужели он действительно мог перевязывать мне руки, называть любимой Делли, просить отдохнуть, а сам в это время думать о том, как поскорее добраться до любовницы и сообщить ей радостную новость?

Я попыталась представить, что скажу ему при встрече, но не смогла придумать ничего, кроме одного вопроса: «За что?» И даже его боялась задать, потому что знала — ответа, который сделал бы случившееся менее отвратительным, не существовало.

Внизу послышался шум подъезжающего экипажа.

Я узнала знакомый скрип колёс, донёсшийся сквозь стук дождя. Совсем недавно я стояла у окна и провожала эту карету со счастливой улыбкой, несмотря на больное колено. Мне казалось чудом, что муж сам поднялся по ступенькам и отправился по своим делам, а теперь даже звук возвращающегося экипажа вызывал тошноту.

Я не подошла к окну. Осталась сидеть на кровати, не сводя взгляда с двери.

Через некоторое время снизу донеслись приглушённые голоса, затем послышались шаги.

Я узнала их ещё до того, как сообразила, что Игнис теперь ходит иначе. Молодой лакей поднимался по лестнице, и я машинально прислушивалась, не остановится ли он где-нибудь по дороге. Мне почему-то хотелось, чтобы он не торопился.

Чтобы у меня оставалось ещё несколько минут до встречи с человеком, которого я любила больше собственной жизни.

Но шаги приблизились к спальне, раздался негромкий стук, а затем дверь приоткрылась.

— Делли? — позвал муж, заглядывая внутрь. Увидев меня сидящей на постели, он удивлённо приподнял брови и вошёл. — Я думал, что ты уже спишь?

Глава 35. Матушка почти поверила

Он выглядел совершенно спокойным. Разве что немного уставшим после поездки. Поправил не без омерзения воротник ливреи, прикрыл за собой дверь и посмотрел на меня с тем выражением заботливого недовольства, которое ещё совсем недавно заставляло меня улыбаться.

Я разглядывала его чужое лицо и никак не могла совместить увиденное в зеркале Смерти с мужчиной, который сейчас стоял передо мной.

Ведь он сам наклонился к Анаид, сам обнял её и поцеловал. А потом умолял не прогонять его, обещал вернуть богатство и титул. Я слышала каждое слово, но сейчас, когда Игнис находился рядом, мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы Смерть оказался лжецом.

Я вглядывалась в лицо Игниса и ловила себя на унизительной надежде: вот он скажет, что Смерть обманул меня, и увиденный поцелуй перестанет существовать. Оттого я и не спешила заговорить первой.

— Как там мама? — спросила я, с трудом узнавая собственный голос.

Игнис вздохнул и приблизился к кровати. Я невольно напряглась, ожидая, что он сядет рядом, но муж остановился возле спинки кресла и положил на неё ладонь.

— О, матушка неплохо. Скажем так, она почти поверила,

— произнёс он с усталой улыбкой. — Разумеется, требовать большего от женщины, которая ещё недавно потеряла сына, я не вправе. Она была совершенно разбита, когда я приехал.

Я смотрела, как он говорит. Не запинается, не подбирает слов, а рассказывает так спокойно, будто действительно только что вернулся из родительского дома.

— Ты представляешь, меня даже дворецкий не хотел пускать! — продолжил Игнис, покачав головой. — Пришлось обмануть его, сказав, что у меня есть важные новости от тебя. Боги, как это мерзко прозвучало! Словно я действительно какой-то слуга. Но что поделаешь. Пришлось играть роль лакея, чтобы прорваться к матушке. Она, кстати, не спала…

Он говорил всё это с такими подробностями, что я невольно представила огромный дом его матери, растерянного дворецкого и бедную женщину, которая не могла уснуть после похорон сына.

Я ведь знала, как он умеет рассказывать. Иногда муж возвращался домой и принимался с таким жаром описывать очередное происшествие, что мне достаточно было закрыть глаза, чтобы представить всё до мельчайших подробностей. Я смеялась над его замечаниями, возмущалась вместе с ним, если кто-то обошёлся несправедливо, и никогда не сомневалась, что всё было именно так, как он говорит.

Сейчас же я впервые услышала за знакомой манерой рассказывать что-то совершенно иное.

Он лгал.

Причём лгал мастерски, с той лёгкостью, которая могла появиться только у человека, совершенно не боящегося, что его поймают.

Ведь недостаточно было сказать, что он навестил мать. Он придумал дворецкого, придумал необходимость его обмануть, даже добавил собственное унижение от необходимости выдавать себя за лакея. И всё это было рассказано с таким естественным раздражением, что ещё вчера я непременно пожалела бы мужа.

Я вспомнила, как внимательно слушала Игниса, когда он рассказывал о прошедшем дне. Сколько раз принимала за правду его слова только потому, что прекрасно знала голос, интонации, привычку слегка морщиться, если собеседник поступил глупо? Ведь он и сейчас не сделал ничего необычного. Рассказывал именно так, как рассказывал всегда.

И всё-таки теперь я слышала ложь в каждой знакомой интонации.

Глава 36. Ложь без запинки

Я прикусила губу, чтобы не спросить, когда он научился врать так свободно. Рядом с креслом стоял привычно заботливый муж и рассказывал о дворецком, которого сегодня даже не видел.

Я не знала, сколько подобных историй существовало в нашем браке. Сколько вечеров, которые я считала счастливыми, он провёл с Анаид, а потом возвращался домой и рассказывал мне о совершенно других событиях.

Я опустила взгляд на его руки. Чужие пальцы лежали на кресле, а я почему-то вспомнила, как он держал ими мои ладони, стараясь не причинить боли, пока перевязывал раны. Даже тогда, после чудесного возвращения, он умудрился не спросить, какую цену я заплатила Смерти.

— Я рада, — глухо произнесла я, когда Игнис ненадолго замолчал.

Муж улыбнулся, и я почувствовала, как от этой улыбки снова болезненно сжалось под рёбрами. Ещё несколько часов назад я была готова отдать всё за возможность её увидеть.

— Рада, что ты поговорил с Анаид, — добавила я, не отводя от него взгляда.

Игнис замер.

Его ладонь осталась на спинке кресла, а улыбка исчезла

так быстро, что я даже испугалась. Он смотрел на меня с выражением неподдельного изумления, словно я произнесла не имя женщины, к которой он ездил, а какое-то запрещённое заклинание.

Чтобы сам произнёс правду, пусть самую отвратительную, потому что я ещё не представляла, как смогу жить рядом с ним, если он продолжит лгать.

Но Игнис молчал, и тогда я заговорила снова.

— Бедная женщина, — произнесла я с издёвкой, от которой самой стало противно. — А ты, милый, глупенький. Она же хотела быть любовницей герцога. Получать дорогие подарки, купаться в роскоши. А тут возле двери трётся какой-то нищий лакей и уверяет, что он воскресший герцог. Представляешь, какое разочарование?

Я смотрела на его лицо и видела, как меняется выражение. Сначала изумление, затем напряжение, а потом что-то похожее на испуг.

— Ты… ты что сейчас говоришь? — резко спросил Игнис и отступил от кресла. В голосе появилась хрипотца, которой ещё минуту назад не было.

Мне захотелось рассмеяться, но вместо смеха из груди вырвался болезненный вдох. Я видела всё своими глазами, а он стоял передо мной и спрашивал так, словно я выдумала совершенно нелепую историю!

— Ах, ты прав! Я ведь совсем забыла про брошку-жука! — воскликнула я, глядя на него с отчаянием, которое

уже не могла спрятать за насмешкой. — Как же я могла забыть? Бриллиантовая брошь, которую ты тайком приколол к её платью на балу! Помнишь? Ты ведь хотел сделать сюрприз! Даже прошептал, чтобы она посмотрела дома!

Игнис побледнел.

Я никогда прежде не испытывала удовольствия от того, что причиняю ему боль. Даже во время наших ссор мне хотелось поскорее помириться, услышать ласковое слово, почувствовать его объятия.

Теперь я смотрела, как он пытается справиться с растерянностью, и впервые не спешила ничего исправлять.

— Хватит врать мне! — выкрикнула я, чувствуя, как снова сорвала горло. — Я знаю, куда ты ездил! Знаю, кого целовал! Я ведь просила тебя поцеловать меня, Игнис! Просила собственного мужа, которого только что воскресила! А ты говорил, что не можешь, потому что это чужое тело, чужие губы! Почему же с ней тебе ничего не мешало?!

Глава 37. Это всего лишь сон

Мне пришлось прижать забинтованные руки к груди. Я слишком резко подалась вперёд, и ушибленное колено отозвалось такой болью, что перед глазами на мгновение потемнело.

Игнис сделал шаг ко мне, но я отшатнулась раньше, чем он успел прикоснуться.

— Аделла, я прошу тебя, успокойся, — произнёс муж, стараясь говорить мягко. Он снова попытался приблизиться, но, заметив, что я отодвинулась, остановился возле кровати. — Я был у мамы. Я не знаю, кто такая… Анаид. И про какую брошку ты говоришь. Тебе, видимо, приснилось!

Приснилось?

Он произнёс это совершенно серьёзно! Не рассмеялся, не попытался обратить мои слова в шутку, а смотрел с таким беспокойством, будто действительно считал, что я увидела дурной сон.

— Делли, послушай меня, — продолжил Игнис, осторожно протягивая руку к моему лицу. — Тебе приснился странный сон. Ты перенервничала. Я понимаю. После всего, что случилось, это неудивительно. Но это просто сон. Я был у матушки.

— А матушка доказать может? Может сейчас я лично съезжу к ней? — спросила я, горько усмехнувшись. — И по-

интересуюсь?

— Не стоит… Не надо её сейчас беспокоить, — вздохнул Игнис. — Она и так едва не лишилась чувств, когда я стал доказывать ей, что я её воскресший сын. Представляешь, что с ней творится. Так что беспокоить её не нужно. У неё и так слабое сердце.

Его пальцы почти коснулись моего лба, и я невольно отвернулась. Совсем недавно я готова была часами держать его за руку, а теперь мне не хотелось, чтобы он прикасался ко мне даже случайно. Особенно этими пальцами, которые только что гладили лицо Анаид.

Он продолжал смотреть на меня с тревогой, а я вдруг вспомнила слова Смерти.

«Вероятно, вам предстоит выяснить, насколько хорошо ваш супруг умеет лгать».

Вот, значит, как.

Я ещё помнила собственные крики над гробом, а Игнис уже пользовался этой памятью против меня: чем сильнее я пережила его смерть, тем легче ему было объявить мои слова сном.

Я представила, что было бы, если бы не видела всё собственными глазами. Если бы кто-то посторонний рассказал мне о его поездке к Анаид, я бы сразу спросила у него, а он вот так же ласково посмотрел на меня и сказал, что мне приснилось.

Конечно, поверила! Ведь Игнис был моим мужем. Чело-

веком, которому я доверяла настолько, что не усомнилась в нём даже перед лицом собственной смерти.

А может ли лгать Смерть?

Эта мысль вдруг возникла с такой отчётливостью, что я невольно посмотрела на пустое кресло у окна.

Впрочем, зачем древнему могущественному существу понадобилась бы такая банальная ложь? Что он мог получить, выдумав любовницу Игниса? Он ведь даже не собирался доказывать мне неверность мужа. Я сама попросила оставить видение, когда услышала имя Анаид.

Да и брошь… Откуда мне было узнать про неё, если я действительно всё увидела во сне?

Я перевела взгляд на Игниса. Он всё ещё стоял рядом и ждал, когда я наконец соглашусь с его объяснением. Я даже почти слышала, как он сейчас предложит мне прилечь, потому что я слишком слаба для подобных волнений.

И тогда меня осенило.

— Хорошо, — произнесла я, с трудом поднимаясь с кровати. — Сейчас проверим!

Глава 38. Сейчас проверим

Стоило опустить ноги на пол, как ушибленное колено болезненно подогнулось. Пришлось ухватиться за край кровати, переждать дурноту и только потом выпрямиться. Игнис тут же потянулся ко мне, но я отстранила его руку и направилась к шнуру звонка.

— Делли, что ты собираешься делать? — насторожился муж, наблюдая за мной.

Я дотянулась до шнура и дёрнула его. Под бинтом сразу защипало порезы, но я не обратила внимания. Мне было гораздо важнее узнать, как Игнис поведёт себя, когда перестанет быть единственным человеком, рассказывающим о собственной поездке.

Он смотрел то на меня, то на звонок, и прежняя ласковость постепенно исчезала с его лица.

Через некоторое время дверь приоткрылась, и на пороге появилась горничная. Я заметила, как она удивилась, увидев меня на ногах, однако девушка тут же присела в реверансе.

— Да, госпожа? — спросила она, переводя взгляд с моих забинтованных рук на молодого лакея.

Я старалась говорить спокойно, хотя от слабости мне приходилось придерживаться за кровать.

— Приведи сюда кучера, — распорядилась я, внимательно наблюдая за Игнисом. — Того, который только что вер-

нулся с моим экипажем. Немедленно.

— Я запрещаю! — резко произнёс Игнис, повернувшись к горничной.

Он сказал это именно так, как говорил прежде, когда отдавал распоряжения в собственном доме. Властно, уверенно, с той привычной интонацией герцога, который не привык объяснять слугам свои решения.

Я даже невольно посмотрела на него, потому что на мгновение мне показалось, будто прежний Игнис действительно вернулся.

Только горничная, похоже, ничего подобного не почувствовала.

Она взглянула на него с недоумением, затем снова повернулась ко мне и послушно склонила голову.

— Да, мадам, — произнесла она и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я увидела, как напряглась челюсть Игниса. Он проводил девушку таким взглядом, каким прежде мог наградить слугу, позволившего себе неслыханную дерзость.

Но сейчас его приказ ничего не значил.

И, кажется, именно это привело мужа в гораздо большее бешенство, чем мой вопрос об Анаид.

— Аделла, прекрати этот цирк, — потребовал он, приблизившись ко мне. — Ты что, собираешься допрашивать прислугу из-за какого-то сна? Да посмотри на себя! Ты едва на ногах стоишь!

Я действительно держалась из последних сил. Под ночной сорочкой было зябко, нога ныла, а в висках неприятно стучало после бессонной ночи. Мне хотелось сесть, но я почему-то боялась сделать это при Игнисе. Стоило мне опуститься на постель, и он наверняка снова принялся бы убеждать, что я слишком измучена и не понимаю, что говорю.

— Раз тебе нечего скрывать, ты ведь не станешь возражать против одного маленького вопроса? — спросила я, с трудом удерживая голос ровным.

Он сжал губы, однако отвечать не стал.

Мне снова вспомнилось, как вчера я прижималась к его холодному плечу, просила открыть глаза, обещала, что никогда не отпущу. А теперь стояла напротив живого мужа и боялась, что он снова заговорит.

Когда в коридоре послышались шаги, Игнис резко обернулся к двери.

Горничная привела кучера. Мужчина остановился на пороге и, заметив меня возле кровати, торопливо поклонился. По его взгляду я поняла, что он растерялся: посреди ночи герцогиня потребовала его к себе, а рядом стоял какой-то молодой лакей, который, судя по выражению лица, был крайне недоволен происходящим.

Кучер мог одной фразой уничтожить последнюю ложь Игниса. И я видела, как муж не хочет услышать этот ответ.

Глава 39. Кому подчиняется кучер

— Где вы были? — спросила я, обращаясь к кучеру. Пришлось облизнуть пересохшие губы, прежде чем продолжить: — Куда вы отвозили этого человека?

— Приказываю тебе молчать! — взревел Игнис, шагнув к кучеру прежде, чем тот успел ответить.

Я вздрогнула от его голоса.

Прежде я никогда не боялась, когда муж сердился на прислугу. Мне казалось естественным, что хозяин дома имеет право требовать исполнения приказов. Но сейчас передо мной стоял совершенно другой человек — молодой лакей, в теле которого жила душа герцога. И этот лакей почему-то решил, что может распоряжаться в моей спальне.

Кучер выпрямился. Я заметила, как он нахмурился, выслушав приказ, и перевёл взгляд на меня, явно ожидая распоряжений именно от хозяйки.

— Вы мне не господин, чтобы приказывать, — произнёс он сдержанно, но достаточно твёрдо. — Я отвечаю только перед её светлостью.

От неожиданности Игнис на мгновение лишился дара речи.

Я увидела, как муж сжал пальцы в кулаки. Ему явно хотелось поставить дерзкого слугу на место, но тот даже не собирался извиняться. Он стоял возле двери и ждал моего во-

проса, словно человека в ливрее рядом со мной вообще не существовало.

Я почувствовала странное, почти болезненное удовлетворение. Раньше Игнису достаточно было повысить голос, чтобы все вокруг торопились выполнить его волю. А теперь кучер смотрел на него как на равного себе слугу, который позволил себе распоряжаться чужой работой.

— Мадам, — обратился кучер ко мне, явно желая покончить с неприятным разговором, — мы ездили к какой-то молодой даме по вашему поручению. Как мне и велели. Я доставил этого господина по указанному адресу и ожидал, пока он вернётся.

Слова прозвучали так просто, так буднично, что я почти не сразу почувствовала облегчение.

Значит, Смерть не обманул меня. Я действительно видела Анаид. И Игнис действительно ездил к ней на моей карете.

Муж резко повернул голову ко мне. Я не стала смотреть ему в глаза, потому что теперь мне было страшно не от того, что он может снова солгать, а от собственной уверенности: даже после слов кучера он непременно попытается выкрутиться.

— Я приказываю замолчать! — снова выкрикнул Игнис, обращаясь к кучеру. Его голос сорвался, и он шагнул ближе, будто собирался заставить мужчину замолчать одним своим присутствием.

Но кучер даже не сдвинулся с места. Он лишь посмотрел

на меня, ожидая, позволю ли я продолжить.

Мне захотелось рассмеяться от нелепости происходящего. Передо мной стоял мужчина, ради которого я отдала половину жизни. Ещё несколько часов назад я умоляла Смерть вернуть мне великого герцога-дракона, а теперь этот самый герцог, оказавшись в теле лакея, пытался запугать собственного кучера.

Я обхватила пальцами спинку кровати. Кожа под бинтами снова заболела, но теперь боль казалась почти привычной, даже помогала удержаться на ногах. Мне осталось задать только один вопрос, после которого у Игниса не будет возможности ссылаться на моё воображение.

— К матушке моего покойного мужа? — спросила я, глядя на кучера.

Мужчина искренне удивился. Он даже повернул голову к Игнису, словно пытался понять, почему его спрашивают о совершенно другом адресе, а затем вновь обратился ко мне.

— О, нет, ваша светлость! — ответил кучер, с полной уверенностью качая головой. — Это вообще в другой стороне! Там какая-то молодая дама была.

Глава 40. Половина моей жизни

Кучер замолчал, а я всё продолжала смотреть на него, придерживаясь за спинку кровати. Он подтвердил то, что я и без того прекрасно знала, но почему-то именно сейчас, услышав эти слова от обыкновенного человека, который всего лишь выполнял моё поручение, я почувствовала себя окончательно обманутой.

Мне до последнего хотелось, чтобы Смерть оказался лжецом. Чтобы видение было какой-нибудь жестокой магической шуткой, а Игнис действительно провёл эту ночь у матери. Я даже готова была простить Смерти издевательство, если бы выяснилось, что муж ни в чём передо мной не виноват.

Но кучер стоял у двери и с искренним недоумением поглядывал на молодого лакея, который пытался запретить ему отвечать хозяйке.

— Благодарю вас. Можете идти, — произнесла я, с трудом заставив себя говорить спокойно. — И ты тоже свободна, — добавила я, обращаясь к горничной.

Кучер поклонился. Горничная присела в реверансе и последовала за ним, а Игнис проводил их таким взглядом, что прежде я непременно попыталась бы сгладить неловкость. Он терпеть не мог, когда слуги позволяли себе возражать хозяину, и сейчас, похоже, был потрясён не меньше моего. Только каждый из нас переживал совершенно разное униже-

ние.

Дверь закрылась, и мы остались одни.

Я посмотрела на мужа. Он всё ещё стоял возле кресла, повернувшись к двери, словно никак не мог поверить, что кучер посмел ослушаться его приказа. Знакомое выражение властного недовольства выглядело непривычно на лице молодого лакея. Ещё недавно Игнису достаточно было произнести несколько слов, чтобы весь дом пришёл в движение. Теперь даже горничная не сочла нужным спрашивать его разрешения.

Но меня занимало совсем другое.

— И сколько раз ты мне врал, Игнис? — спросила я, разглядывая его чужой профиль. Голос после крика саднил горло, и говорить приходилось тише, чем хотелось. — Сколько раз ты приказывал слугам молчать? Сколько раз запугивал кучера, чтобы он скрывал настоящее место поездки?

Муж медленно повернулся ко мне. Я ждала, что он начнёт оправдываться, объяснять, почему был вынужден солгать, но Игнис молчал. Он перевёл взгляд на дверь, за которой исчезли слуги, затем на меня, и я увидела, как болезненно он переживает собственное положение.

В этом доме его больше не признавали хозяином. Даже распоряжение заставить кучера замолчать оказалось бессмысленным.

Я ведь действительно не знала, сколько раз Игнис обманывал меня раньше. Не знала, как давно появилась Анаид,

сколько подарков он успел ей преподнести и сколько вечеров провёл рядом с ней, прежде чем вернуться ко мне с очередной занимательной историей. Теперь любая наша счастливая минута могла оказаться частью обмана. Я пыталась вспомнить хоть что-нибудь, что позволило бы понять, когда всё началось, но вместо этого вспоминались его привычная улыбка и ласковое «Делли», которым он умел успокоить меня после самой неприятной ссоры.

Оттого, что я больше не могла доверять даже собственным воспоминаниям, стало особенно больно.

— Ты так и не спросил цену, которую я заплатила за твоё воскрешение, — произнесла я с горечью, чувствуя, как под бинтами ноют порезанные ладони.

Игнис нахмурился. Он явно не ожидал, что разговор внезапно повернётся к ритуалу, и посмотрел на мои руки, словно только сейчас вспомнил, в каком состоянии я вышла из ритуальной комнаты.

— Цену? — переспросил он с неподдельным удивлением. — Какую ещё цену, Делли?

Глава 41. Вместо золота

Я невольно улыбнулась, хотя улыбаться совершенно не хотелось.

Вот ведь как интересно получалось! Муж знал, что я вызвала саму Смерть. Знал, что заключила сделку ради его возвращения. Видел мои изрезанные руки и прекрасно понимал, что никто из его предков так и не сумел провести этот ритуал.

— Да, цену, Игнис, — повторила я, чувствуя, как от обиды снова сдавило горло. — Смерть ничего не делает просто так. Или для тебя это новость? В самом ритуале ничего не сказано про цену. Он назначил её сам. И мне пришлось согласиться.

Игнис переступил с ноги на ногу. На его лице появилось выражение сосредоточенного недовольства, с которым он обычно разбирался в неприятных хозяйственных делах.

— Нет, я ничего не знаю про цену, — признался он, затем махнул рукой, словно хотел поскорее устранить ещё одно недоразумение. — Даже если ты отдала ему половину золота из сокровищницы, я не против. В конце концов, речь шла о моей жизни.

Я смотрела на него, не находя слов. Половину золота! Ха! Он решил, что я могла расплатиться с самой Смертью золотом из его сокровищницы! И теперь великодушно разрешал

мне эту трату, словно я купила ненужное украшение и опасалась супружеского гнева.

Мне вспомнилось, как Смерть рассматривал меня перед заключением сделки. Как холодные пальцы приподняли мой подбородок, а взгляд остановился где-то над головой, будто там было написано нечто такое, чего мне никогда не позволят увидеть.

— Это не золото, — прошептала я, пытаясь проглотить слёзы.

Игнис ещё больше нахмурился. Он подошёл ближе и, кажется, впервые заметил, что я едва держусь на ногах, но продолжал рассуждать о плате с тем же деловым спокойствием:

— Ну, если артефакты, то это тоже небольшая потеря. Даже если редкие. У нас в сокровищнице достаточно вещей, которыми никто не пользуется. Делли, неужели ты всерьёз думаешь, что я стану упрекать тебя за подобное?

Он даже попытался улыбнуться, словно хотел успокоить меня.

А мне вдруг стало интересно, что бы он сделал, если бы действительно пришлось выбирать между собственной жизнью и сокровищницей. Отдал бы всё без колебаний? Согласился бы лишиться половины богатства, титула, родовых драгоценностей ради меня?

Я ведь даже не задумалась, соглашаться ли на предложение Смерти, когда поняла, что другого способа вернуть Игниса не существует.

И вот теперь стояла перед человеком, ради которого сделала этот выбор, и слушала его рассуждения о ненужных артефактах.

— Я отдала половину моей оставшейся жизни, — произнесла я, заставив себя посмотреть ему прямо в глаза. — Вдумайся, Игнис. Половину того срока, который мне остался. Чтобы ты снова вздохнул, чтобы ты вернулся, чтобы я смогла снова обнять тебя…

Игнис застыл. Я увидела, как исчезло с его лица недовольство, а губы слегка разомкнулись. Он несколько мгновений смотрел на меня с таким ошеломлённым выражением, что я невольно вспомнила его пробуждение в коридоре. Тогда он точно так же пытался разобраться в случившемся, разглядывая собственные чужие руки.

На этот раз его молчание пугало сильнее любого ответа.

Глава 42. Цена, которую он не спросил

Мне хотелось, чтобы он сейчас понял. Чтобы наконец осознал, через что мне пришлось пройти, и хотя бы на минуту перестал думать о себе.

— Именно такую цену назначил Смерть за возвращение твоей души, — всхлипнула я, не выдержав его молчания. — Души, которая никогда меня не любила! Души, которая тут же побежала к любовнице, чтобы обрадовать её!

Я попыталась продолжить, но голос сорвался, и пришлось замолчать. Под бинтом болезненно натянулась кожа: я так сильно стиснула пальцы, что, кажется, снова потревожила порезы. Хотелось разжать руки, но злость не позволяла даже расслабить плечи.

— Аделла… — с ужасом произнёс Игнис. Он приблизился, но остановился, увидев, что я невольно отступила к кровати. — Ты… ты… Делли, зачем ты это сделала? Поверить не могу.

Он произнёс последнее с таким неподдельным потрясением, что мне стало ещё больнее. Конечно, для него это было немыслимо. Он привык считать смерть окончанием жизни, а сокровищницу — мерой любого богатства. Но я ведь стояла перед Смертью не ради золота. И даже не ради титула.

Я просто хотела вернуть своего мужа.

— А ты смоги поверить! — рявкнула я, едва не сорвав голос окончательно. — Теперь остаток моей жизни сократился вдвое! Вдвое, Игнис! Если мне суждено прожить ещё двадцать лет, я проживу десять. А если год, то полгода!

Я вспомнила небольшую книгу в тёмном переплёте, которую Смерть держал на коленях, и мне стало холодно. Ведь я до сих пор не знала, сколько страниц оставалось до конца моей истории. Возможно, я уже истратила несколько драгоценных часов, стоя здесь и выясняя, почему воскресший супруг предпочёл любовницу.

Игнис смотрел на меня, не мигая. Потом провёл ладонью по чужому лицу, словно пытался привести мысли в порядок, и спросил с искренним недоумением:

— Ты даже не спросила, сколько тебе осталось?

От этого вопроса меня будто окатили ледяной водой.

Я видела его растерянность, видела страх, но вместо благодарности за возвращённую жизнь услышала вопрос, почему не сумела выяснить условия сделки. Словно стояла не перед Смертью, который в любой момент мог просто уйти, а перед торговцем, у которого следовало потребовать подробную опись товара.

— В этом-то и суть сделки! — выдохнула я, чувствуя, как снова подступают слёзы. — Он не сказал! Не захотел! Я должна была согласиться, не зная, что мне осталось! И я согласилась, Игнис! Потому что ты лежал в гробу! Потому

что я не могла представить, как буду жить без тебя!

Он пошевелился, будто собирался что-то возразить, но я не позволила ему вставить ни слова.

— И что теперь?! Теперь я узнаю, что мой муж изменял мне! Где?! Где была твоя шлюха, когда ты умер?! — закричала я, уже не заботясь о сорванном горле. — Почему не она чертила своей кровью круг?! Почему не она шептала заклинания, захлёбываясь слезами?! Почему я, а не она ползала на коленях перед Смертью?!

Я больше не могла говорить. Последние слова превратились в жалкий хрип, а потом я разрыдалась, не в силах удерживать всё то, что накопилось за эту страшную ночь.

А самое страшное — я всё ещё ждала, что он утешит меня.

Глава 43. Она просто увлечение

Перед глазами стоял Игнис в гробу. Его молодое, красивое лицо, которое я гладила дрожащими пальцами. Застёгнутый воротник, казавшийся мне слишком тесным. Я ведь даже после смерти пыталась сделать так, чтобы ему было удобно лежать! «Такая внезапная смерть… Быть такого не может… Драконы живут очень долго!» — шептались вокруг.

Потом вспомнился ритуальный круг, собственная кровь, боль в коленях и Смерть, который совершенно спокойно предлагал мне отказаться от сделки.

Он тогда сказал, что перед молодой богатой вдовой открывается множество возможностей, а я рассердилась.

Я была готова возненавидеть его за одно предположение, что смогу когда-нибудь жить счастливо без Игниса.

Я попыталась представить себя снова перед ритуальным кругом, в тот миг, когда Смерть ещё ждал согласия. Ответа не находилось: я по-прежнему не желала Игнису смерти, хотя теперь не знала, как вынести его присутствие рядом.

Ноги окончательно перестали держать, и я опустилась на край кровати, закрыв лицо забинтованными руками. Под повязками немедленно заболели порезы, но мне было всё равно. Я рыдала так, что не могла вдохнуть полной грудью, и ненавидела себя за эту слабость. Ведь Игнис находился рядом, слышал каждое слово, а я всё ещё не могла перестать

любить человека, который причинил мне столько боли.

Его рука коснулась моего плеча.

Прикосновение было осторожным, почти нежным. Совсем недавно я радовалась, когда муж вот так касался меня, потому что больше не надеялась ощутить его ладонь. Теперь я резко дёрнулась, пытаясь сбросить чужие пальцы.

— Убирайся вон, Игнис! — выговорила я сквозь рыдания, отодвигаясь от него. — Я… я тебя ненавижу… Слышишь? Ненавижу!

Он не отошёл. Я почувствовала, как его рука упрямо скользнула по моему плечу, словно Игнис рассчитывал успокоить меня привычной лаской, и от этого захотелось закричать ещё громче.

— Прости, — послышался его шёпот. — Делли, пожалуйста, прости. Я не знал… Я понятия не имел, какую цену ты заплатила. Она… Анаид тебе в подмётки не годится. Да, согласен, я был не самым примерным мужем. Но она просто увлечение. А ты… ты другое.

Он произнёс это так, словно наконец нашёл объяснение, которое должно было всё исправить.

Я подняла на него заплаканное лицо.

— Другое?

Мне стало интересно, что же именно он собирается назвать этим словом. Удобную жену, которая не задаёт лишних вопросов? Женщину, которая встречает его дома, верит каждому слову и никогда не подозревает, что за красивыми

подарками другой даме стоят её собственные унижения?

— Что другое?! — закричала я, чувствуя, как сорванный голос отказывается слушаться. — Дура, которая сидит дома, любит тебя и верит твоим историям?! Идиотка, которая отдала половину своей жизни ради того, чтобы жил тот, кто её ни во что не ставит?!

— Погоди, я не говорил, что ни во что тебя не ставлю! — поспешил заверить Игнис, опускаясь рядом на кровать. Он попытался взять мои руки, но я поспешно спрятала их, потому что не хотела снова чувствовать его осторожные прикосновения. — Делли, ты всё неправильно понимаешь. Я дорожу тобой. Ты моя жена, моя семья…

Господи, как же это было мучительно слышать! Игнис называл меня семьёй так, будто одного этого слова хватало, чтобы оправдать всё, что он делал за моей спиной.

Но что останется от этой «семьи», если я перестану всё прощать?

Глава 44. Ты моя семья

Он говорил именно те слова, которые я так хотела услышать несколько часов назад. Тогда мне казалось, что никакого другого счастья уже не нужно: пусть Игнис просто живёт, пусть называет меня любимой, пусть обнимает, и я соглашусь на любую судьбу, лишь бы он оставался рядом.

Я отодвинулась от протянутой руки: ещё недавно эти же пальцы осторожно расправляли бинт на моей ладони, а теперь муж пытался ими загладить измену, о которой я узнала всего несколько минут назад.

Как он прижимал её к себе, как умолял не прогонять, как обещал вернуть прежнее богатство, чтобы снова стать достойным её любви.

— Ах, я забыла! — произнесла я с горькой усмешкой, отодвигаясь к изголовью. — Жене, которую любят и уважают, конечно же, не изменяют! Убери руку, Игнис! Я… я… Ты не представляешь, как мне больно!

Он смотрел на меня с растерянностью. Я видела, что он действительно испугался, услышав о цене сделки, и, возможно, даже искренне сожалел о случившемся. Только мне от его сожаления не становилось легче.

Порезы на руках отзывались при каждом движении, а Игнис говорил о своей привязанности так, словно она могла возместить те годы, которые Смерть уже забрал у меня.

— Это была моя ошибка, — прошептал Игнис, снова придвигаясь ко мне. — Послушай, я люблю тебя.

Он попытался обнять меня, но я скинула его руки, едва не вскрикнув от боли в ладонях. Игнис отдёрнулся, заметив мою реакцию, а затем заговорил торопливее, словно боялся, что я не позволю ему закончить:

— Она просто увлечение. Глупость, которую я совершил. Я клянусь, что больше никогда к ней не приближусь. Делли, ты же знаешь меня! Я ведь вернулся домой. К тебе!

Я смотрела на него, не веря собственным ушам. Вернулся домой!

Он произнёс это так, будто возвращение к жене после поездки к любовнице являлось доказательством супружеской верности.

И тогда я не выдержала. Смех вырвался вместе со слезами, злой, хриплый, совершенно не похожий на мой обычный смех. Игнис растерянно замолчал.

— Конечно! Не приблизишься! — выговорила я, пытаясь справиться с этим ужасным смехом. — Она сама выставила тебя за порог, Игнис! Сама! Если бы Анаид согласилась принять нищего лакея, ты бы сейчас не сидел здесь и не клялся мне в любви! Ты бы пробыл там до утра, а потом рассказывал мне историю, придуманную в карете, как приводил в чувство бедную матушку.

Я вспомнила, как он стоял перед закрытой дверью любовницы, не находя слов, а потом вернулся в карету и приказал

ехать в наш особняк. Мне было отвратительно думать, что я стала для него местом, куда можно вернуться, когда другая женщина отказалась открыть дверь.

Игнис отвёл глаза.

И почему-то именно это движение причинило мне новую боль. Он не возразил, не попытался убедить меня, что всё было иначе. Несколько мгновений молчал, разглядывая собственные руки, словно надеялся найти на них ответ, а потом снова повернулся ко мне.

— Ну прости, — произнёс он уже с заметным отчаянием. — Прости, Делли. Я искуплю свою вину. Обещаю тебе, всё будет хорошо. Лет через десять мы будем вспоминать это со смехом.

Я уставилась на него. Он только что узнал, что я отдала половину оставшейся жизни, и уже строил планы на десять лет вперёд.

Я вдруг представила, что действительно могу умереть гораздо раньше. Что Смерть однажды войдёт в эту спальню, протянет руку, а я даже не успею состариться рядом с Игнисом. Возможно, у меня не будет времени не только простить измену, но и привыкнуть к мысли, что муж оказался совсем другим человеком.

Он обещал нам смех через десять лет, а я даже не знала, смогу ли встретить следующую годовщину нашей свадьбы.

Глава 45. Десять лет

— Ты говоришь так, словно у меня уже есть эти десять лет! — закричала я, с трудом поднимаясь с кровати. Колено тут же заболело, и пришлось ухватиться за спинку, чтобы не упасть. — И мы не будем вспоминать это со смехом! Ты вообще слышишь себя, Игнис?! Ты уверен, что у меня есть эти десять лет?!

Муж побледнел. Я увидела, как дрогнули его губы, но он ничего не ответил.

— А если у меня осталось всего несколько месяцев? — продолжила я, не позволяя ему отвернуться. — Если я умру через неделю? Ты тоже собираешься смеяться над этим через десять лет?!

Игнис сделал шаг ко мне. В его взгляде появился настоящий ужас, и на мгновение мне захотелось подойти, обнять его, сказать, что я просто испугалась и всё обязательно будет хорошо.

Я ведь всегда старалась успокоить мужа, когда ему было тяжело.

Даже сейчас, когда причиной моего отчаяния оказался он сам, мне было больно видеть его таким растерянным.

Но я не двинулась с места.

Игнис приблизился ещё на шаг, затем неожиданно опустился передо мной на колени.

Я вздрогнула.

Несколько часов назад я сама стояла на коленях перед Смертью, умоляя вернуть мне мужа. Теперь Игнис смотрел снизу вверх, и я никак не могла избавиться от воспоминания, как он точно так же просил Анаид не прогонять его с порога, стоя ступенькой ниже.

Он осторожно обнял мои ноги. Я попыталась отстраниться, но больное колено не позволило сделать шаг, а Игнис уже склонил голову и прижался губами к подолу моей ночной сорочки.

— Прости меня, Делли, — прошептал он, не поднимая лица. — Я ведь не подал на развод… Потому что дорожу тобой. Понимаешь? Если бы ты была мне безразлична, разве я стал бы сохранять наш брак?

Он не развёлся со мной. Вот, значит, какое доказательство любви он собирался предъявить!

Я вспомнила Анаид, её украшения, дорогую брошь, которую Игнис тайком приколол к платью. Сколько времени он уделял этой женщине, сколько денег тратил на неё, сколько ласковых слов успел сказать, пока я считала себя счастливой женой?

От отсутствия развода он сделал доказательство любви, и я с ужасом поняла, насколько мало ему было нужно, чтобы считать себя хорошим мужем.

Теперь предлагал считать отсутствие развода проявлением великодушия.

— Ты не подал на развод только потому, что тебя всё устраивало! — закричала я, пытаясь оттолкнуть его за плечи. Повязка на ладони натянулась, но я всё-таки заставила его отстраниться. — Не потому, что ты уважал и любил меня! А потому, что тебе так было удобно! Дома ждала глупая жена, которая верила тебе, потому что любила. А там была женщина, которую любил ты. Идеально, не так ли?!

Игнис поднял голову. В его глазах стояла такая мучительная растерянность, что ещё вчера я немедленно попыталась бы его утешить. Но теперь видела перед собой человека, который, похоже, только сейчас начал понимать, насколько серьёзно изменилось его положение.

— Делли, это несправедливо, — произнёс он хрипло, всё ещё удерживая край моей сорочки. — Я ведь прошу прощения. Я готов всё исправить…

— А я не хочу, чтобы ты что-то исправлял! — перебила я, чувствуя, как снова подступают слёзы. — Ты даже сейчас унижаешься только потому, что в этом доме совершенно бесправный! Ты больше не хозяин, Игнис! Тебе даже кучер не подчиняется!

Глава 46. Чешуя

Он вздрогнул, словно я ударила его.

Мне было больно говорить это. Передо мной ведь стоял на коленях мой муж, герцог-дракон, которого я ещё недавно считала самым прекрасным мужчиной на свете. Я помнила, как гордилась им, как радовалась каждому его успеху, как счастлива была называться его женой.

Теперь же он находился в теле лакея, а я впервые в жизни не хотела ни защитить его от унижения, ни облегчить его страдания.

— И ты обещал Анаид вернуть всё имущество! — продолжила я, уже почти не узнавая собственного голоса. — Я слышала, Игнис! Слышала каждое слово! Ты обещал ей вернуть титул, богатство, прежнюю жизнь! Даже после того, как она выставила тебя за дверь, ты продолжал думать о том, как снова стать герцогом!

Он попытался подняться, придерживаясь за кровать, но я отступила, не желая, чтобы он снова оказался слишком близко.

— Аделла, послушай… — начал Игнис, протягивая ко мне руку.

— Нет! Теперь ты послушай меня! — выкрикнула я, чувствуя, что ещё немного — и совсем потеряю голос. — Я дала тебе вторую жизнь! Заплатила за неё такую цену, какую даже

представить себе не могла! И знаешь что? Пусть так и будет! Я не могу ничего вернуть назад. Не могу забрать у тебя эту жизнь, да и не хочу!

От этих слов мне самой стало страшно. Ведь ещё совсем недавно я была уверена, что жизнь Игниса является самым дорогим, что у меня есть. И теперь, стоя перед ним, пыталась понять, как мне жить дальше с этой страшной ошибкой.

Я хотела, чтобы он жил, но больше не хотела жить с ним.

— Убирайся, Игнис! — произнесла я, упираясь ладонью в спинку кровати, чтобы удержаться на ногах. — Просто бери и убирайся! Строй новую жизнь как хочешь, но без меня! Я тебя больше видеть не хочу! Слышишь? Вон отсюда! Вон!

Игнис поднялся с колен.

Он смотрел на меня с таким выражением, словно только сейчас осознал, что я действительно собираюсь выгнать его из дома. Я видела, как он сжал губы, пытаясь справиться с унижением, и невольно вспомнила, как ещё недавно сама готова была умолять его остаться рядом хотя бы на несколько минут.

Теперь же я мечтала, чтобы он поскорее ушёл.

Мне хотелось лечь, закрыть глаза и больше не слышать его голоса. Я понимала, что, стоит Игнису сделать ещё один шаг ко мне, я могу снова разрыдаться и начать просить его обнять меня. От этой мысли было особенно противно: я ведь всё ещё любила мужа, несмотря на каждое слово, которое произнесла.

Игнис медленно выпрямился. Он больше не пытался приблизиться и только смотрел на меня, тяжело дыша. Его лицо казалось чужим и непривычным, однако в выражении упрямой обиды я вдруг узнала прежнего Игниса, который всегда болезненно переносил, когда ему отказывали.

Я хотела отвернуться, чтобы больше не видеть его, но тут заметила нечто странное.

По его щеке, совсем близко к виску, будто пробежала тёмная тень. Я решила, что мне показалось, и невольно моргнула, стараясь избавиться от слёз, мешавших смотреть. Но тень появилась снова, на этот раз чуть ниже, словно под кожей что-то едва заметно шевельнулось.

Я невольно подалась вперёд, забыв о боли в колене.

На мгновение кожа возле его виска покрылась крошечными тёмными пластинками, уложенными одна поверх другой.

Совсем как драконья чешуя.

Глава 47. Я тебя не отпущу

— Что такое? — удивился Игнис, заметив, что я смотрю куда-то ему в лицо.

Он даже провёл ладонью по щеке, словно проверял, не осталось ли на коже чего-нибудь после поездки, а я с ужасом наблюдала, как возле его виска снова проступили крошечные тёмные пластинки.

Я прекрасно знала, как выглядит драконья чешуя. Не раз видела её на Игнисе, когда он обращался, и могла бы отличить от любого украшения или игры света. Но сейчас передо мной стоял обыкновенный молодой лакей, чью душу вытеснила душа моего мужа. Откуда на его лице взяться драконьей чешуе?

— У тебя… — начала я и осеклась, заметив ещё одну странность.

Игнис перестал ощупывать лицо и посмотрел на меня. Его глаза, ещё совсем недавно голубые, теперь приобрели странный золотистый оттенок.

Я помнила их прежний цвет! Именно эти голубые глаза смотрели на меня с растерянностью в коридоре, когда душа мужа только что оказалась в чужом теле. И перед зеркалом, когда он спрашивал, действительно ли это его лицо, я тоже видела голубую радужку.

Теперь же она становилась всё желтее, а зрачок словно

сужался, вытягиваясь в тонкую вертикальную полоску.

Мне пришлось моргнуть несколько раз, чтобы убедиться, что я не ошибаюсь. Из-за слёз всё расплывалось, но, когда зрение немного прояснилось, я снова увидела знакомый драконий взгляд. Только теперь он принадлежал совершенно чужому человеку.

— Делли, да что с тобой? — Игнис нахмурился, явно не понимая, почему я так пристально его разглядываю. — Ты на меня смотришь так, словно я опять умер. Что-то случилось?

Мне захотелось ответить, что происходит что-то странное с его лицом, но я вовремя прикусила язык.

После нашего разговора мне совсем не хотелось сообщать мужу ещё одну удивительную новость. Я и так сделала для него слишком много, а сейчас едва держалась на ногах.

К тому же я не могла понять, действительно ли вижу чешую или бессонница и пережитое горе заставляют меня замечать то, чего нет.

— Уходи, Игнис, — произнесла я, заставив себя отвести взгляд от его глаз. — Прошу тебя. Я больше не хочу разговаривать.

Муж перестал хмуриться. Он посмотрел на меня с недоумением, словно всерьёз рассчитывал, что за несколько минут я успела передумать.

Ему, видимо, казалось, что после его извинений разговор должен закончиться примирением. Но я всё ещё помнила, как он целовал Анаид, и понимала, что не смогу спокойно

находиться с ним в одной комнате.

— А если я не хочу уходить? — возмутился Игнис, выпрямляясь. — Тем более после того, что я услышал! Ты только что сказала, что отдала половину жизни, а теперь предлагаешь мне просто собрать вещи и отправиться неизвестно куда? Делли, ты хоть понимаешь, что я не могу оставить тебя в таком состоянии?

Он говорил так уверенно, будто моё требование уйти было очередной глупостью, которую следовало переждать.

Мне стало досадно оттого, что Игнис по-прежнему позволял себе решать за нас обоих. Даже сейчас, когда в нём никто не узнал бы хозяина дома, он разговаривал со мной привычным тоном герцога Рейсберга.

— Тогда я прикажу тебя вышвырнуть, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Как вышвыривают проворовавшегося слугу.

Глава 48. До утра ничего не изменится

Слова вырвались прежде, чем я успела подумать.

Игнис отшатнулся, и на его чужом лице появилось такое выражение, что я сама испугалась сказанного. Ещё недавно я обнимала этого человека, плакала у него на груди и благодарила богов за то, что он вернулся. А теперь угрожала выставить его из собственного дома, словно какого-нибудь воришку, пойманного возле хозяйской шкатулки.

Но, судя по тому, как Игнис стиснул зубы, я сумела ударить его по самому больному месту.

— Как проворовавшегося слугу? — переспросил он, не повышая голоса. Его пальцы невольно сжали край ливреи, которую он, кажется, ненавидел уже одним своим существованием. — Ты сейчас всерьёз сравнила меня с вором?

Я вспомнила, как он только что приказывал кучеру молчать. Как обещал Анаид вернуть всё имущество, когда сумеет доказать, что является герцогом. И всё-таки мне стало стыдно. Я не хотела использовать его беспомощность для унижения, даже после того, что он сделал со мной.

— Прости, я не должна была так говорить, — выдохнула я, осторожно опускаясь на край кровати. Ушибленное колено уже не позволяло долго стоять, а после крика в горле

неприятно саднило. — Давай я дам тебе денег, и ты просто уйдёшь. Возьми столько, сколько понадобится. Ты ведь теперь не можешь распоряжаться нашими счетами, а тебе нужно на что-то жить. Я всё понимаю, Игнис. Только, пожалуйста, не оставайся здесь.

Мне было больно произносить эти слова. Я сама собиралась дать мужу денег, чтобы он мог начать жизнь без меня. А ведь ещё совсем недавно я была уверена, что отдала бы последнее только ради возможности прожить рядом с ним ещё один день.

Игнис смотрел на меня с таким недоумением, словно предложение денег оказалось даже оскорбительнее угрозы вызвать слуг.

— Делли, ты себя слышишь? — спросил он, придвинув кресло ближе к кровати, но садиться не стал. — Ты предлагаешь мне деньги из моей же сокровищницы, чтобы я убрался из собственного дома. И всё это после того, как сама вытащила меня с того света! Ты ведь не можешь всерьёз хотеть, чтобы я ушёл.

Я подняла на него глаза. На мгновение мне снова показалось, что жёлтый цвет стал ярче. Я помнила именно такие глаза у прежнего Игниса, когда он сердился, особенно если разговор касался вещей, в которых считал себя единственным хозяином положения.

— Я хочу, чтобы ты ушёл, — повторила я, стараясь не смотреть ему в лицо слишком долго. — И больше ничего от

тебя не прошу.

Муж тяжело вздохнул. Он придвинул кресло обратно, словно решил, что сейчас не стоит садиться возле меня, и потёр ладонью переносицу. Я слишком хорошо знала этот жест. Игнис всегда так делал, когда считал спор бесполезным, но не желал уступать.

— А давай подождём до утра, — предложил он наконец, уже гораздо спокойнее. — Ты успокоишься, и мы всё обсудим. Сейчас ты измучена, у тебя руки в бинтах, ты почти не спала. Посмотри, до чего мы дошли! Мы разговариваем так, будто чужие друг другу люди.

Он был уверен, что завтра я передумаю. И я ещё не знала, какой способ заставить меня передумать он выберет.

Глава 49. Не просьба о прощении

Я смотрела на его руки, на тёмную ткань ливреи и на лицо, в котором постепенно проступали знакомые черты дракона. Он действительно говорил так, словно между нами произошла обычная супружеская ссора. Словно мы поспорили из-за какого-нибудь бала, а завтра, хорошо выспавшись, сможем спокойно решить, кто был прав.

Меня поразило, насколько удобно было ему предлагать утро.

За ночь я должна была успокоиться, перестать плакать, привыкнуть к его измене и, наверное, встретить мужа улыбкой. А он тем временем смог бы придумать новые объяснения, почему его поцелуй с Анаид ничего не значил.

— Нет, Игнис. Утро ничего не решит, — ответила я, чувствуя, как снова подступает злость. — Или ты думаешь, у утра есть какая-то особенная магия, способная исправить то, что случилось? Уверяю тебя, у утра такой магии нет!

Игнис выслушал меня, не перебивая. На его лице появилось знакомое выражение терпеливого превосходства, с которым он иногда разговаривал с людьми, слишком горячо отстаивавшими своё мнение.

— Ты права, — согласился он и, заметив моё недоверие, повторил мягче: — Права, Делли. Само по себе утро ничего не исправит. Но ты немного успокоишься и сможешь ме-

ня услышать. Сейчас ты даже не позволяешь мне закончить предложение. Я ведь хочу объясниться, а ты заранее уверена, что всё, что я скажу, будет ложью.

Я чуть не рассмеялась. После истории про матушку, дворецкого и странный сон муж ещё удивлялся, почему я перестала ему верить!

Он стоял так близко, что я могла рассмотреть каждую складку возле его глаз. И вдруг поняла, что слуга, чьё тело он занял, уже не совсем походил на себя. Радужка стала отчётливо жёлтой, а посередине темнел вертикальный зрачок. Я невольно вспомнила, как много раз смотрела в такие глаза, когда Игнис принимал драконий облик. Мне нравилось наблюдать, как человеческие черты мужа изменялись под действием родовой магии.

Только теперь меня это совершенно не радовало.

Я не понимала, что происходит, и боялась спросить. После нашего разговора о титуле и богатстве сообщить ему о возвращающихся драконьих чертах казалось почти жестоким по отношению к самой себе. Игнис непременно обрадуется. Возможно, начнёт строить планы, как доказать свою личность, восстановить права на имущество и заставить весь дом снова обращаться к нему как к герцогу.

А я хотела, чтобы он ушёл.

— От твоих слов ничего не изменится, — сказала я, отворачиваясь к изголовью. — Поэтому уходи. Уходи по-хорошему, Игнис. Я не хочу, чтобы слуги снова видели, как мы

ссоримся.

Он не ответил сразу.

Я услышала, как Игнис медленно выдохнул, а затем скрипнуло кресло: он опёрся ладонью о спинку, словно собирался сесть, но передумал. Я видела только его руку и часть ливреи. Почему-то мне стало страшно от этого молчания. Во время предыдущей ссоры муж пытался оправдываться, обнимать меня, просил прощения. Сейчас же он словно обдумывал что-то такое, о чём не решался заговорить.

Когда я снова посмотрела на него, Игнис усмехнулся.

Но усмешка получилась совсем не весёлой. Он провёл языком по губам, отвёл глаза к двери, затем опять повернулся ко мне. По тому, как долго он собирался с мыслями, я поняла, что сейчас услышу не очередную просьбу о прощении.

Глава 50. За высшую некромантию

— Возможно, я пожалею о своих словах, — произнёс Игнис негромко, словно рассуждал сам с собой. — Вернее, почти уверен, что пожалею. Но я всё-таки скажу это, Делли. Только ты сначала выслушай меня, а потом уже сердись.

Мне захотелось потребовать, чтобы он замолчал. В его голосе появилась неприятная деловитость, совсем не похожая на прежние мольбы. Я не знала, чего именно опасаюсь, но почувствовала, как от напряжения больно свело мышцы возле повреждённого колена.

Игнис придвинулся ближе. Его изменившиеся глаза остановились на моём лице, и я вдруг заметила, что он перестал пытаться выглядеть виноватым. Сейчас передо мной стоял человек, который нашёл решение и собирался сообщить его, независимо от того, понравится оно мне или нет.

— Ритуал, который ты провела, запрещён, — начал он, тщательно выговаривая каждое слово. — Это высшая некромантия, Аделла. И ты сама прекрасно знаешь, что подобные вещи запрещены законом.

Я растерянно моргнула. Конечно, я знала, что ритуал был опасным. Игнис сам рассказывал о предке, который приобрёл его за огромные деньги, но так и не сумел воспользоваться. Я помнила чёрную шкатулку, рукопись и собственные неудачные попытки вызвать Смерть.

Только сейчас мне было совершенно непонятно, зачем муж заговорил об этом.

— И что? — спросила я, невольно выпрямляясь на кровати. — Этот ритуал не рабочий. Так сказал Смерть! В нём ошибки! Это то же самое, что я буду читать в ритуальной комнате названия духов с моей полки!

Игнис прижал ладонь к спинке кресла и посмотрел на меня почти с сожалением.

— Нет, Делли. Ты путаешь немного. Ритуал сработал. Это раз. Результат вот он. К тому же наказание предусмотрено не только за сам ритуал, но за попытку заниматься высшей некромантией. А значит, мне нетрудно будет доказать, что ты вернула меня к жизни, прибегнув к запретному искусству. Подумай сама: я помню прежнюю жизнь, знаю всё о нашем браке, могу рассказать о ритуале, который хранился среди родовых сокровищ. Ты ведь не станешь отрицать, что именно ты меня воскресила?

Я смотрела на него, совершенно не понимая, к чему он клонит. Мне казалось нелепым, что мужчина, ради которого я совершила невозможное, теперь так подробно объясняет, каким образом сумеет подтвердить мою причастность к собственному возвращению.

Он ведь ещё совсем недавно благодарил меня!

— Стану! — произнесла я.

Игнис нахмурился, услышав мой ответ, и его голос стал жёстче. Он произнёс последние слова с осторожностью чело-

века, который понимает, насколько неприятное известие собирается сообщить, но всё равно считает необходимым довести разговор до конца.

— Делли, милая. Я понимаю, что ты действовала из лучших побуждений, но в ритуальной остались твои следы. Следы твоей крови. И даже если горничная вымоет там всё дочиста, для опытного мага найдётся достаточно улик против тебя. К тому же есть магия, которая позволяет проверить все последние ритуалы, которые здесь проводились. И определить, насколько они свежие, — вздохнул Игнис.

Я смотрела на него, потеряв дар речи. О таком я даже не знала.

— И если ты не в курсе, Аделла, то за высшую некромантию полагается смертная казнь.

Глава 51. Это ради нашей любви

Я смотрела на Игниса, ожидая, что он рассмеётся и скажет, будто неудачно пошутил. Мне даже захотелось самой улыбнуться, чтобы показать мужу: я прекрасно понимаю, насколько нелепо прозвучали его слова. Но он не улыбался. Стоял возле кресла, по-прежнему придерживая спинку, и внимательно наблюдал за мной.

Значит, он действительно угрожал мне смертной казнью.

Мужчина, которого я только что вернула к жизни ценой собственных лет, собирался использовать это против меня.

Я попыталась что-нибудь сказать, но вместо слов получился жалкий, едва слышный звук.

Горло после бесконечных криков болело так сильно, что даже сглотнуть было неприятно. Пришлось опустить глаза и несколько раз вдохнуть, прежде чем я снова смогла посмотреть на мужа.

Он ведь знал, как я боялась смерти! Я сама рассказала ему, что отдала половину оставшегося срока, даже не зная, сколько мне предназначено прожить. Объяснила, как мучительно теперь думать о каждом прожитом дне. Игнис видел моё отчаяние, когда я спрашивала, уверены ли мы, что через десять лет вообще сможем смеяться над случившимся.

И после всего этого нашёл способ заставить меня бояться ещё сильнее.

Я посмотрела на его лицо. Возле виска всё ещё виднелся странный тёмный отблеск, а в глазах проступала желтизна. Но теперь меня гораздо больше пугал спокойный, почти рассудительный взгляд, которым Игнис изучал мою реакцию. Он словно уже произнёс всё необходимое и ждал, когда я пойму, что спорить больше бессмысленно.

Впрочем, мужу, кажется, быстро надоело моё молчание.

— Делли, ну пожалуйста, не смотри на меня так, — произнёс он, отнимая ладонь от кресла. — Я не хотел говорить тебе такие слова. Поверь, мне самому отвратительно оттого, что пришлось об этом напомнить. Всё прозвучало ужасно, я понимаю. Но и ты меня пойми, пожалуйста…

Он осторожно шагнул ко мне, словно собирался снова обнять, но остановился, заметив, как я отодвинулась.

Я ведь сама только что требовала, чтобы он ушёл, а теперь боялась даже пошевелиться. Мне казалось, что любое возражение способно заставить его вспомнить о некромантии ещё раз.

— Но ты же понимаешь, почему я это сказал? — продолжил Игнис, всматриваясь в моё лицо с отчаянной надеждой. — Это мой шанс доказать тебе, что я люблю тебя. Что никакая Анаид мне не нужна! Иначе ты ведь даже слушать не захочешь. Ты сейчас выгонишь меня, а потом будешь жалеть, что мы не поговорили спокойно. И что ты не дала мне шанса всё исправить.

Я прижала забинтованные руки к животу. Боль от порезов

была вполне настоящей, и мне пришлось осторожно разжать пальцы, чтобы не потревожить раны. Вчера эти руки выводили магический круг.

Я ползала на коленях, повторяя заклинание, пока не охрипла, и умоляла Смерть вернуть Игниса. Теперь, если верить мужу, именно мои действия могли стать основанием для казни.

Как можно доказывать любовь угрозой смерти? И почему я должна благодарить его за то, что он пока всего лишь рассказывает о возможной казни, а не отправляется немедленно сообщать о преступлении?

Вчера я отдала половину жизни, чтобы он не умер. Сегодня он получил власть над моей.

Глава 52. А если я не соглашусь?

— Ты хочешь сказать… — начала я, но голос оборвался. Пришлось облизнуть пересохшие губы и повторить тише: — Ты хочешь сказать, что, если я не позволю тебе остаться, ты расскажешь всем о ритуале? То есть, ты решил шантажировать меня!

Игнис нахмурился. Ему явно не понравилось, как я сформулировала его предложение. Он даже покачал головой, словно именно я умудрилась превратить обычный разговор в какую-то мерзость.

— Ну зачем ты всё так представляешь, Аделла? — возразил он с заметным раздражением. — Я ведь не собираюсь ничего делать. Мне просто нужно, чтобы ты дала нам время. Ты сама посуди: разве стал бы я тебе всё это объяснять, если бы не хотел сохранить наш брак? Я же не враг тебе, Делли!

Я слушала его и не могла отделаться от мысли, что ещё совсем недавно он точно так же объяснял мне поездку к матери. С тем же недовольством, с той же убеждённостью в собственной правоте. Он даже сейчас говорил так, словно его намерения должны были иметь для меня гораздо большее значение, чем произнесённая угроза.

Я вспомнила, как Анаид сначала не поверила, что перед ней Игнис. Муж рассказал ей о броши, о тайном подарке на балу, и она узнала его. Значит, он действительно мог под-

твердить свою личность. Он знал слишком много о нашей семье, о родовых сокровищах и о ритуале, который хранился в чёрной шкатулке. Я сама призналась ему, что воспользовалась этим заклинанием.

Смогут ли маги доказать, что душа Игниса находится в чужом теле? Я понятия не имела. Но мне было достаточно того, что муж собирался воспользоваться этой возможностью.

А ведь до сегодняшней ночи я не сомневалась, что Игнис скорее сам умрёт, чем позволит кому-нибудь причинить мне вред.

И теперь этот самый мужчина объяснял, что его угроза является доказательством любви.

— Я не понимаю, как ты можешь говорить мне такое, — прошептала я, чувствуя, как глаза снова наполняются слезами. — Ты же знаешь, что я сделала ради тебя. Знаешь, как боюсь умереть. Неужели тебе совсем меня не жалко?

На мгновение Игнис действительно растерялся. Он посмотрел на мои руки, потом на лицо и с таким выражением потянулся ко мне, словно хотел немедленно исправить причинённую обиду. Но прежде, чем его пальцы коснулись моего плеча, я отодвинулась к изголовью.

Мне было отвратительно от собственного испуга. Я никогда не боялась мужа, а теперь смотрела на его руки и думала, что стоит мне снова потребовать его ухода, как он напомнит о смертной казни.

— Конечно, мне тебя жалко, любимая, — поспешил за-

верить Игнис. Его голос стал почти таким же ласковым, каким он говорил со мной после воскрешения. — Ты даже не представляешь, что я почувствовал, когда узнал про половину жизни. Делли, я ведь не знал! Если бы ты рассказала раньше, я бы…

Он осёкся, будто не сумел придумать, что именно мог бы сделать, а затем продолжил увереннее:

— Я просто хочу, чтобы ты перестала меня прогонять. Неужели это так много?

Я не ответила. Мне вдруг стало мучительно ясно, что от меня требуется совсем немного: позволить Игнису остаться в доме, перестать напоминать об Анаид и снова вести себя как прежде. Наверное, он действительно считал, что при таких условиях у нас всё наладится.

А если я не соглашусь?

Глава 53. Не в безопасности

Я посмотрела на его глаза и обнаружила, что зрачок стал совсем узким. Яркая жёлтая радужка была настолько знакомой, что на мгновение мне захотелось дотронуться до его лица. Раньше, когда Игнис принимал драконьи черты, я любила разглядывать, как меняется выражение его глаз. Он всегда казался мне красивым, даже немного опасным, но опасность эта никогда не относилась ко мне.

Теперь я смотрела на возвращающегося дракона и не испытывала ничего, кроме страха.

Игнис между тем, похоже, решил, что самое неприятное в нашем разговоре уже позади.

— Так что давай поговорим утром, Делли, — предложил он, поправляя рукав ливреи. — Ложись спать, любовь моя. Тебе необходимо отдохнуть, а мне нужно немного прийти в себя после всего случившегося. Я люблю тебя. Люблю… После того, что ты сделала ради меня, я действительно понял, как сильно люблю тебя.

Он произнёс последние слова тихо и с такой нежностью, что ещё совсем недавно я непременно заплакала бы от счастья. Я ведь мечтала услышать именно это! Чтобы Игнис понял, как много значит для меня, и ответил такой же любовью.

— Вон из комнаты! — прошипела я, отворачиваясь к подушкам. Мне пришлось говорить сквозь зубы, потому что

иначе я снова сорвалась бы на крик, а горло уже почти не слушалось. — Уходи, Игнис. Если ты хоть немного меня любишь, оставь меня одну.

Он тяжело вздохнул. Я слышала, как муж переступил с ноги на ногу, словно колебался, не следует ли попробовать ещё раз. Потом раздались шаги. Я не смотрела в его сторону, но прислушивалась так напряжённо, что узнала момент, когда он остановился возле двери.

Мне хотелось, чтобы Игнис ушёл.

И вместе с тем какая-то жалкая, совершенно неразумная часть меня ждала, что он вернётся. Подойдёт, сядет рядом, обнимет и скажет, что никогда в жизни не причинит мне зла. Что всё это было отвратительной ошибкой, которой он сам испугался.

Но муж лишь ещё раз вздохнул и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна.

Некоторое время я сидела неподвижно, не решаясь даже опустить ноги с постели. Я понимала, что сейчас нахожусь в собственной спальне. За дверью были слуги, которые выполняли мои распоряжения; внизу стояла карета, которую я могла приказать подать в любую минуту. Но впервые за всё время, проведённое в доме Рейсбергов, я не чувствовала себя здесь в безопасности.

Дом принадлежал мне. Но оставаться в нём я теперь могла только с разрешения человека, который меня предал.

Глава 54. Обещанная метка

Игнис ведь не просто отказался уходить. Он нашёл способ заставить меня оставить его рядом, даже если я этого не захочу.

Я снова вспомнила его разговор с Анаид.

Он стоял перед ней в ливрее и доказывал, что является герцогом. Называл подробности, которые могли знать только они вдвоём. Даже подарок вспомнил, о котором я понятия не имела. Значит, при необходимости сумеет привести доказательства и для других людей.

Я посмотрела на забинтованные ладони. Сколько же всего оставалось после ритуала? Чёрная шкатулка, заклинание, моя собственная кровь, которой я чертила круг. И муж, который теперь ходил по дому в чужом теле, помнил всё о своей прежней жизни и знал, что я вызвала Смерть.

До сегодняшней ночи я была уверена, что все эти вещи являются свидетельством моей любви. Теперь они могли обернуться против меня.

От этой мысли захотелось спрятаться под одеяло, как в детстве, когда казалось, что достаточно закрыть глаза, чтобы страшное исчезло. Но я уже понимала: стоит мне проснуться, и всё останется прежним.

Я осторожно опустила руки на колени. Повязки мешали, и я принялась разглядывать открытые участки кожи, стараясь

отвлечься от разговора с Игнисом. И вдруг взгляд задержался на том месте, где должна была появиться брачная метка дракона.

Я столько раз ждала её!

Особенно в начале нашего брака, когда ещё не сомневалась, что мы с Игнисом любим друг друга совершенно одинаково. Мне хотелось однажды проснуться и обнаружить на коже заветный знак. Ведь это было бы так прекрасно — иметь видимое подтверждение нашей связи, принадлежать к семье драконов не только по имени и брачному договору.

Я даже однажды не выдержала и спросила мужа, почему метка до сих пор не появилась.

Игнис тогда отнёсся к моему беспокойству удивительно спокойно. Он улыбнулся, взял меня за руку и принялся рассматривать чистую кожу, словно и сам ожидал увидеть там обещанный знак.

«Она обязательно появится со временем! — утешал он меня. — Не у всех сразу проступает. Но это не значит, что я не люблю тебя!»

Конечно, поверила! Игнис ведь был драконом и знал о подобных вещах гораздо больше меня. А я не хотела выглядеть глупой женой, которая каждый день требует подтверждений любви. Мне было достаточно его слов. В конце концов, разве можно измерить любовь какой-то меткой?

Тогда мне казалось, что нельзя.

Я погладила кожу возле повязки, невольно вспоминая,

сколько раз присматривалась к руке в ожидании хотя бы слабого следа драконьей магии. И каждый раз успокаивала себя тем, что Игнис непременно заметит метку первым и обрадуется вместе со мной.

Но время шло, а кожа оставалась чистой.

Теперь я вдруг задумалась, сколько правды было в его объяснении. Возможно, он действительно говорил искренне. Возможно, у разных драконов брачные знаки появляются по-разному, и я просто не успела дождаться своего.

А может, дело заключалось совсем не во времени?

Глава 55. Имя другой

Я вспомнила, с каким нетерпением Игнис обнимал Анаид. Как прижимал её к себе, как легко целовал чужими губами, которыми не смог поцеловать меня. Он ведь даже не задумывался, что находится в другом теле, когда перед ним оказалась любимая женщина.

Мне захотелось спросить мужа, почему он столько лет убеждал меня, что метка обязательно появится. Неужели он действительно ждал её вместе со мной? Или просто нашёл удобное объяснение, которое позволяло не отвечать на неприятный вопрос?

Я не знала, как устроена драконья магия настолько подробно, чтобы уверенно судить о подобных вещах. Но сейчас мне вдруг показалось, что у причины моего многолетнего ожидания было имя.

Анаид.

Я легла на подушки и закрыла глаза. Голова болела, порезанные руки мешали устроиться поудобнее, а ушибленное колено ныло даже тогда, когда я переставала двигаться. Мне хотелось хотя бы ненадолго забыть обо всём, но стоило расслабиться, как перед глазами появлялся Игнис — сначала в гробу, потом перед зеркалом в коридоре, а затем возле чужой двери, где он умолял любовницу не прогонять его.

Хуже всего было то, что я продолжала ждать его шагов.

Даже после угрозы казнью мне хотелось, чтобы он пришёл и сказал что-нибудь такое, после чего я сумею снова поверить в нашу любовь. Я ненавидела себя за эту надежду и всё-таки невольно прислушивалась к коридору, хотя прекрасно знала, что не смогу простить его одним разговором.

За окнами постепенно светлело. Я лежала с открытыми глазами, следила за тем, как меняется освещение на потолке, и время от времени отворачивалась к подушке, когда слёзы снова начинали течь по щекам. Плакать было уже больно: от каждого всхлипа саднило горло, а лицо неприятно стягивало после высохших слёз.

Я пыталась представить, как проживу следующий день, если Игнис снова придёт ко мне с извинениями. Что скажу ему? Смогу ли хотя бы спокойно выслушать? А если он опять напомнит о некромантии?

Думать об этом было невозможно. Я старалась заставить себя уснуть, но всякий раз, когда веки тяжелели, вспоминала его слова о смертной казни и снова открывала глаза.

Лишь когда утро окончательно вступило в свои права, усталость пересилила страх.

Я даже не заметила, как уснула. Помнила только серовато-тый свет на подушке и собственную руку, лежавшую поверх одеяла, на которой так и не появилась обещанная метка.

А когда я снова открыла глаза, за окнами уже сгущались вечерние сумерки.

Я попыталась приподняться на локте, чтобы позвать гор-

ничную, но рука неожиданно подогнулась. Пришлось опуститься обратно на подушку. Я попробовала ещё раз и обнаружила, что не могу даже как следует сесть.

Глава 56. Половина жизни

Я несколько минут лежала неподвижно, пытаясь разобраться, что со мной происходит. Голова казалась такой тяжёлой, что стоило повернуть её на подушке, как перед глазами всё неприятно расплывалось. Во рту пересохло, горло саднило после вчерашних криков, а руки под бинтами налились тупой ноющей болью.

Наверное, я просто слишком долго спала.

Мне хотелось верить именно в это. Ведь последние двое суток я почти не отдыхала, провела ритуал, потеряла много крови, а потом ещё устроила страшный скандал с Игнисом. Ничего удивительного, что теперь чувствую себя совершенно разбитой. Нужно было всего лишь позвать горничную, попросить воды и помочь мне привести себя в порядок.

Я снова попыталась приподняться.

На этот раз мне удалось оторвать плечи от подушки, но почти сразу подступила такая слабость, что пришлось опуститься обратно. Руки дрожали, мышцы неприятно ныли, а перед глазами поплыли тёмные пятна.

Я осторожно пошевелила ногами под одеялом. Они слушались, только казались непомерно тяжёлыми. Даже движение ступнёй потребовало усилия, от которого у меня выступила испарина на лбу.

Что-то было не так.

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз ела. Память услужливо подсовывала мне обрывки похорон, ритуальной комнаты, разговора со Смертью и страшного объяснения с Игнисом. Всё смешалось настолько, что я уже с трудом могла отделить один день от другого.

За окном вечерело. Я проспала почти весь день, но вместо отдыха чувствовала себя ещё хуже, чем ночью.

Нужно было позвать кого-нибудь.

Я повернула голову к шнуру звонка. Обычно дотянуться до него не составляло никакого труда, но сейчас расстояние от подушки до стены показалось непривычно большим. Я протянула забинтованную руку, попыталась приподнять плечо, однако пальцы лишь скользнули по покрывалу.

Шнур остался недосягаемым.

Пришлось немного передвинуться на постели. Я упёрлась локтем в матрас, стараясь не тревожить порезы, но сил хватило только на то, чтобы приподняться и тут же бессильно опуститься обратно. Повязка зацепилась за ткань, и от резкой боли я невольно всхлипнула.

— Ну же… — прошептала я, глядя на проклятый шнур. — Ещё немного…

Я попыталась потянуться снова, но рука едва слушалась. Пришлось оставить эту затею, потому что от усилия потемнело в глазах. Я лежала, тяжело дыша, и никак не могла понять, почему даже такая простая вещь оказалась мне не по силам.

Может быть, у меня поднялась температура? Я осторожно приложила тыльную сторону ладони ко лбу, но ничего не поняла. Пальцы казались горячими, лоб тоже, а меня саму временами знобило, хотя под одеялом было достаточно тепло.

Я хотела позвать горничную голосом, однако после первой попытки закашлялась. Горло болело, и вместо громкого крика получился жалкий сиплый звук. За дверью никто не откликнулся.

Мне стало неуютно от мысли, что я лежу в собственной спальне и не могу даже позвать на помощь.

Вчера я сумела вызвать Смерть, вернуть мужа к жизни, распорядилась подать ему карету, а потом выгнала его из комнаты. Тогда мне казалось, что я ещё способна хоть что-нибудь решать. А теперь не могла дотянуться до обыкновенного шнура звонка.

Я снова закрыла глаза, стараясь успокоиться.

И вдруг вспомнила договор.

Половина оставшейся жизни.

Я ведь до сих пор не знала, сколько её было до сделки!

От этой мысли мне стало страшнее, чем от самой слабости. Я попыталась представить, что Смерть действительно забрал ровно половину предназначенного мне срока. Если оставалось двадцать лет, я получила десять. Если год — полгода. А если отведённое время составляло всего несколько дней?

Глава 57. Теперь я хочу жить

Я ведь могла умереть в любой момент.

Во время ритуала мне казалось, что это не имеет значения. Я была готова заплатить любую цену, потому что не представляла, как буду жить без Игниса. Тогда даже мысль о смерти не пугала настолько, насколько возможность навсегда потерять мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.